

ГЕНЕРАЛЬ ДЕКАБРЬ.

(Из „Journal Humoristique du siège de Sebastopol, par un artilleur“.
Третье издание. Т. II. Парижъ. 1868 г.) (*)

Отъ переводчика. Сочиненіе, изъ котораго мы перевели прилагаемую статью, съ фотографическою точностью представляетъ почти каждый день, проведенный нашими врагами въ осаду многострадальнаго Севастополя.

Доселѣ мы не имѣемъ еще такой картины, которая представляла бы безсмертную севастопольскую борьбу во всеѣ ея фазисахъ. Разсказъ, нами приводимый, можетъ назваться единымъ, неизменнымъ символомъ и значеніемъ, штрихомъ этой будущей великой картины.

Мы выбрали, для своего перевода, изъ двухтомнаго сочиненія французскаго автора, представляемый эпизодъ и потому еще, что, рисуя положеніе французской арміи подъ Севастополемъ, въ декабрѣ (нов. ст.) 1854 года, авторъ, стигивъ самымъ разсказомъ, какъ бы очерчиваетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и наше собственное положеніе, въ тотъ же періодъ осады. Дѣйствительно, въ это время, мы, защитники Севастополя, въ траншеяхъ и ложементахъ, бивуакируи на банкетахъ бастионовъ, въ ночныхъ караулахъ, на вылазкахъ и безпрестанныхъ работахъ, терпѣли и страдали такъ же, какъ, по разсказамъ автора, терпѣли и страдали французы, осаждающіе Севастополь. Что я говорю: „такъ же?“ Мы страдали больше, потому уже, что все мы, стоявшіе на южной сторонѣ Севастополя, находились *безпрестанно* подъ косою смертн: здѣсь не было мѣста, куда бы не ложились непріятельскіе снаряды, а большинство французской осадной арміи, послѣ снѣвы съ очередной службы, становилось вѣдъ нашего огня. Къ тому же, мы, кромѣ смертной опасности, которой подвергались ежеминутно, могли подъ дождемъ, кучались въ грязи, проводили безсенными ночи въ утомительныхъ работахъ такъ же, какъ и французы; такъ же, какъ и они, томилась неизвѣстностью, жаждали скорѣйшаго конца своимъ страданіямъ, открытыхъ, рѣшительныхъ битвъ.... И мы не видѣли предвѣдъ бѣдствій насъ постигшихъ, и если холодали меньше французовъ и англичанъ, то только вѣдъ очередной службы. А что касается до пищи, до тѣхъ лишеній, на которыя указываетъ авторъ, какъ на одно изъ бѣдствій, постигшихъ французовъ, то если мы и не испытывали ихъ, то собственно потому, что привыкли довольствоваться болѣе грубою пищею, не считая даже лишеніемъ питаться, при нуждѣ, сухарями съ водой.

Словомъ, приводимый нами разсказъ долженъ напоинить многое и многое изъ шропаго каждому, кто провелъ зиму 1854 года въ Севастополѣ.

Мы сочли нужнымъ присоединить къ разсказу автора примѣчанія, отчасти для разъясненія нѣкоторыхъ, сѣктовъ, отчасти въ видахъ восстановленія истины.

24-го ноября 1869 г.

Самара.

П. А.

(*) Сочиненіе это, по всей вѣроятности, принадлежитъ перу офицера, служившему въ 6 артиллерійскомъ полку, въ 12 ротѣ, капитана Мариона. II. А.

Декабрь (1854) наступилъ подъ мрачными предзнаменованіями. Императоръ Николай совершенно основательно назвалъ этотъ мѣсяць «генералъ Декабрь.»

Въ первое же утро морозило. 4-й бастионъ (bastion du Mat), третьяго-же дня, сообразуясь съ обстоятельствами, измѣнилъ свою обычную тактику, а именно: онъ предоставилъ дѣйствовать лучшему своему союзнику—крымскому климату.

Такимъ образомъ, первый день декабря ознаменовался тишиной и усиленнымъ трудомъ въ осадныхъ работахъ, а въ лагерѣ убійственнымъ однообразіемъ. Къ затрудненіямъ, которыя намъ рисовались въ будущемъ, присоединился рядъ мелкихъ лишеній. Особенно надобно было беречь топливо—последнее наше утѣшеніе въ пустынь—подъ опасеніемъ почувствовать въ немъ вскорѣ недостатокъ и на кухнѣ. Собиравшіе топливо съ большими затрудненіями не находили уже въ окрестности ничего другаго, кромѣ глубоко-сидящихъ древесныхъ корней; да добыча и этого лѣснаго матеріала представляла немалыя трудности, благодаря морозамъ, сковавшимъ землю. Взапуски бѣжали, со своими почетными ношами, лагерные житои, снабжая свои реліи необходимыми запасомъ топлива.

Долина блестяла, покрытая ледяной корою; армія безмолствовала въ своихъ логовищахъ; изрѣдка кто-нибудь шелъ въ погребокъ. Херсонесъ являлъ печальную картину.

Что же будетъ утромъ? Что до меня касается, признаться, я никогда не испытывалъ подобнаго изнеможенія. Горе слабымъ, любившимъ поспать! Имъ оставалось одно мѣсто—лазаретъ! Эта перспектива меня вразумила. Я поклялся быть благоразумнѣе, вставать раньше; но, чтобы тотчасъ же не нарушить своей клятвы, завалился спать гораздо прежде двухъ куръ, взятыхъ моимъ сосѣдомъ у неприятеля. Лагерь тоже не дождался сигнала и сошь перенесъ ему предавшихся въ тотъ идеальный міръ, откуда поэты почерпаютъ свое вдохновеніе и гдѣ бивуачный изгнанникъ находитъ единственную отраду въ немигостяхъ судьбы. Тамъ красота безъ некрововъ, добродѣтель не пугается звука поцѣлуевъ; тамъ царствуютъ вѣчный миръ, вѣчная весна.

На утро, 20-го ноября (2-го декабря), я проснулся свѣжъ и бодръ, по милости путешествія въ страну идеальнаго счастья.

Труба вызвала меня къ дѣйствительности. Мнѣ была очередь въ траншеи. Увы! Очередь доставалась мнѣ, по крайней мѣрѣ, разъ въ

три дня. Ночь обложала проливными дождями. Едва мы устроились около орудій, какъ услышали шумъ вылазки. Отошлики изъ войскъ, поджавше приближившихъ съ Канниза для усиленія севастопольскаго гарнизона, какъ рассказывали, должны были отличиться. Надлежало сдѣлать изъ блестящей приемы. Вездѣ усилили караулы. Въ несчастію, сѣверный вѣтеръ, съ ледяною изморозью, билъ насъ въ лицо. Было темно, какъ въ пещерѣ. Только разрывы бомбъ и мундубрисовывали кровавыми красками сцену. Незамѣченные нашими аванпостами, русскіе ударили на траншею между второю и третьею параллели. Не горсть защитниковъ 39-го полка безтрепетно встрѣтила ихъ, за парадомъ, скрещенными штыками (*). Русскіе бросились на эту желѣзную стѣну, но ихъ начальникъ былъ убитъ, и они тотчасъ дали тылъ, многіе выкинувъ оружіе и свои вещи (**), чтобы легче было бѣжать. Они пробѣжали мимо самой нашей батареи и стрѣлами нашего припрятаннаго проводника—бы ихъ отогнать, если—бы не боялись перебить своихъ. Побѣдныя влины сливались съ волнами отчаяннѣйшихъ бѣглецовъ, которыхъ наши преслѣдовали до полуночи отъ русскихъ укрѣпленій (***) . Объявленный (4-го декабря н. ст.) приказъ главнокомандующаго строго воспрещалъ, однако, увлекаться преслѣдованіемъ, въ случаѣ успѣха. Не храбрость несправима! Вылазка не успѣла еще воротиться въ Севастополь, какъ 4-й бастионъ заговорилъ снова, и опять начали мѣняться гранатами и бомбами. Спокойствіе водворилось лишь изъ утра.

Холодный дождь не переставалъ. Возвращаясь въ лагерь по дорогѣ, становившейся все болѣе и болѣе скользкою, многіе падали,

(*) Подъ командою козловника Бѣръ.

Прим. П. А.

(**) Съ людьми, ходившими на вылазку, никакихъ вещей не бывало, слѣдственно и бросать было нечего. Сказано это такъ только, для краснаго слова.

П. А.

(***) Авторъ говоритъ, безъ сомнѣнія, о вылазкѣ въ ночь на 21 декабря (4 декабря), съ 4-го бастиона, подъ командою Селевганскаго полка поручика Васильева (въ „Русскомъ Инавалдѣ“ 1854 года, № 268, ошибочно было сказано, что поручикъ Васильевъ Волынскаго полка). Въ убитомъ начальникѣ вылазки авторъ, вѣроятно, разумеетъ Волынскаго полка подпоручика Терлецкаго, по нашимъ дознаніямъ объ этой вылазкѣ показаннаго безъ-вѣсти пропавшимъ; но, какъ оказалось впоследствии, тяжело раненаго и взятаго въ плѣнъ. Не Терлецкій былъ начальникомъ вылазки, а поручикъ Васильевъ. На эту вылазку ходили не казакскіе волонтеры, которыхъ надлежало показывать себя, послѣ недавняго прибытія въ Севастополь, какъ утверждаетъ авторъ, а охотники изъ полковъ Вистеркибургскаго, Тобольскаго, Томскаго и Волынскаго, въ числѣ 250 человекъ и 60 матросовъ. Отрядъ вели три офицера. На этой вылазкѣ мы потеряли 7 раненыхъ и 5 контуженныхъ нижнихъ чиновъ, и, какъ сказано, подпоручика Терлецкаго.

П. А.

взбуждая общій смѣхъ. Право, человѣкъ существо житейное. Огъ, не нуждѣ, можетъ свѣжнуться даже съ ежедневнымъ бичеваньемъ. Мы съ удовольствіемъ привалили за обѣдъ, слегка приправленный саломъ. Что до меня, я собирался угостить себя мечью въ офицерскомъ клубѣ (Cercle). Увы! Радость, дѣль солнца и тепла, улетала все дальше и дальше. Возрастало число желаминихъ явно или тайно *счастливыхъ раны*, чтобы снастись отъ тягостей осады. Посреди жалобъ всѣмъ хорошъ на дурное время, кто-то замѣтилъ, что завтра 4-е декабря (н. ст.), великій дѣнь св. Варвары. Да проститъ намъ наша патронеса, во имя лишенной нами переносимыхъ, слишкомъ уже тяжелыхъ! Никто и не предложилъ праздновать ея дѣнь. И тѣмъ не было обычнаго торжества. Отсрочили празднованіе до будущаго года, въ Севастополѣ!... Въ лагерѣ все ограничилось грустными пѣснями и скудными угощеньями кавонировъ между собою. Какъ пировать, когда едва доставало рукъ осушать наши граници, когда работы казались бевконечными, когда благосостояніе бивуаковъ заключалось въ порціи соленой свинины или въ кускѣ мяса, въ постелѣ на голой землѣ и въ нѣсколькихъ полѣвьяхъ, съ трудомъ добытыхъ, и, притомъ, безсиальныхъ обогрѣть насъ.

Древесные корни уничтожались; вскорѣ намъ предстояло увидѣть исчезновеніе и этой послѣдней надежды нашихъ дымныхъ каминновъ. Придется тогда, чтобы снастись отъ холода, днѣмъ лежать въ постели; но хотя суровая нужда стучалась уже къ намъ въ двери, никто, однако, не береть свою жалкую вязанку ирутьевъ: каждый, однажды добравшись до своего жилища, торашился насладиться послѣдней головѣшкой, послѣдними лучами тепла... Послѣдними!... Не рассчитывая даже на случай... Случай былъ нашимъ провидѣніемъ! На бивуакахъ говорили о предстоящемъ распредѣленіи топлива и одѣяль: Отечество бодрствуетъ надъ нами и не дастъ своимъ дѣтямъ умереть отъ холода.... Однако, во Франціи, судя по рассказамъ послѣднихъ пріѣзжихъ, почти оплакали уже крымскую армію; и большинство повобранцевъ, что прибыли къ намъ съ такимъ багажемъ, какъ-будто собрались въ степную экспедицію, вѣровали, что Херсонесъ будетъ нашей могилой. Въ Марсели и въ Константинополѣ они встрѣтили остатки раненыхъ въ инкерманскомъ дѣлѣ, и такой отблескъ войны, конечно, не прельстилъ ихъ. Въ будущемъ они не видѣли ничего хорошаго, не понимали наслажденія, представляемаго лишеніями бивуачной жизни, а вскорѣ многіе изъ новопривывшихъ сошли со сцены, даже не видѣвъ врага. Сколько честолюбивыхъ мечтаній исчезло слишкомъ скоро! Одинъ просилъ у

судьбы только ленточку въ петлицу, другой галунъ, третій эполеты. Между тѣмъ, судьба, самыя жестокии образы, не принимая во вниманіе ни надеждъ, ни мечтаній, закрывала почти всѣхъ этихъ господъ въ госпиталь, надѣливъ ихъ лихорадками, холерой. Они не возвратились оттуда, къ величайшему нашему сожалѣнію — сожалѣнію эгоистическому, потому что на насъ однихъ лежались теперь вся тяжесть траншейной службы.

23-го ноября (5-го декабря) мы опять въ траншеи, а накануне ночью, проводивъ на кладбище одного изъ козоприбыльшихъ, я воротился домой съ горемъ въ душѣ. Это было вечеромъ арцискійскаго празднича. Завалившись на свою койку, я предался воспоминаніямъ — доброму гелію бивуаковъ. Какая перемена въ одинъ годъ! Въ эти самые часы, годъ тому назадъ, мы, беззаботные парубки, совершали триумфальное шествіе по городу, изъ трактира въ кафе, подъ звуки флейты и бряцанье оруженыхъ сабель. Два лакея съ факелами открывали шествіе. За этими буржуа-свѣтоносцами слѣдовалъ священный легионъ: одни съ пѣснями, другіе бросая въ воздухъ потѣшныя петарды, нѣкоторые встрѣчая прохожихъ цвѣтами и любезностями. Всѣ шли, раскрасившись, вакхически-нетвердой походкой. Старухи съ ужасомъ затворяли двери. Гриветки поспѣшно бросали шитье и, помирая со смѣху, толпились на крыльцѣхъ. Полиціанты отворачивались, будто ничего не замѣчая. Но вотъ пришли.... начинается церемонія!... Возліаніе въ видѣ жертвоприношенія, шуточные гимны, заглушаемые громомъ рукоплесканій; стукъ пуншевыхъ чашъ, чоканье стакановъ! Тутъ были и степенные люди, которые возвышали голосъ собственно у этого только алтаря, чтобы пропѣть всегда одни и тѣ же куплеты. Имъ дѣлали школьническую овацію — ихъ носили на плечахъ!.. Нѣсколько оставшихъ, украшенныхъ сѣдинами, присутствовали безмолвно, будто бородатые патриархи. Всѣ эти картины, одна за другою, проносились передо мною, а лагерь, между тѣмъ, спалъ. Одинъ я торжествовалъ во снѣ праздничъ патронесы нашей артилеріи.

Пробужденіе разбило въ дребезги сладкія мечты; дождь со снѣгомъ усилился. Лагерь разстилася стонью. Вдали палатки, сорванныя вѣтромъ, казались изорванными парусами на разбитомъ кораблѣ. Кое-гдѣ появлявшіеся солдаты, вызванные службою изъ подземныхъ жилищъ, наглядно изображали собою истерившихъ крушеніе; другіе не унывали. Угрюмый Севастополь ревѣлъ по временамъ. Въ гарнизонѣ пробуждалась дѣятельность. Въ обычный часъ, мы пошли толпою наблюдать вблизи движенія осажденныхъ. Изъ докучаго бездѣй-

отъ насъ названая вылазка. Думая отомстить за свою последнюю неудачу, русскіе возобновили нападеніе (*) въ тотъ же самый часъ, что и вчера, противъ того же самаго пункта, охраняемаго тѣмъ же 39-мъ полкомъ. Ихъ проводили такъ же, какъ и въ тотъ разъ. Ночь не совсѣмъ была темна; бой завязался по соседству съ нами, и мы видѣли бѣгство непріятеля. Бѣглецы, въ шинеляхъ, носились, съ отчаянными криками, какъ олени; наши гнали ихъ штыками, при свѣтѣ гранатъ и бомбъ, при жалобномъ звонѣ колоколовъ (**), при грохотѣ барабановъ, гремѣвшихъ въ городѣ, какъ будто на штурмъ. Правду сказать: самая фантастическая обстановка оперы блѣднѣетъ передъ этою трагедіею людей. Класическая картечь 4-го бастиона, во второмъ актѣ, больше принесла пользы Севастополю, чѣмъ дѣрзость его охотниковъ, потому что она приостановила осадыныя работы по всей линіи. Свѣтало, а ядра не переставали прыгать. Мы не знали какъ кончатъ ожесточеніе врага, который обыкновенно чителъ разсвѣтъ, часъ завтрака обонхъ становъ. Мы терпѣлись въ предположеніяхъ, когда одинъ изъ нашихъ ученыхъ, наканунѣ изучавшій свой календарь, далъ намъ разгадку. Сегодня, сказалъ онъ, св. Николай (***), именины русскаго императора. Другой ученый, одинъ изъ чиновныхъ въ полку, смѣялся надъ невѣждою—нуждистомъ, доказывая, съ увѣренностью хронолога, что русскій календарь оназдываетъ противъ нашего на *тринадцать* дней. Товарищи звали этого господина *докторомъ*. Онъ, кромѣ того, вытвердилъ грамматику и съ бивуачнымъ пуримомъ поправлялъ ошибки противъ французскаго языка. Менѣе свѣдущій въ географіи, онъ называлъ Босфоръ фосфоромъ, и вообще служилъ обществу постояннымъ развлеченіемъ. Но несчастію, сегодня утремъ, отчего бы тамъ ни было, городъ обжедился съ нами самымъ суровымъ образомъ. Нѣсколько нашихъ батарей сильно отвѣчали; мы были вынуждены присѣсть въ кружокъ,

(*) Очевидно, авторъ ошибивается ночь съ 22 на 23 ноября нашего отряда. Но въ эту ночь, сколько намъ известно, вылазки съ 4-го бастиона не производилось, а сдѣлана была ничтожная вылазка съ Сахарной Головки, причѣмъ 40 нашихъ охотниковъ устремились на англійскія работы на склонахъ Зеленой Горы, и брошенными англичанами же шавцовымъ инструментомъ разрушили эти работы. *П. А.*

(**) Да напомнитъ насъ авторъ: у него вѣрно въ ушахъ звенѣло! Вылазка наша была сдѣлана въ 1-мъ часу ночи: какой же колокольный звонъ могъ производиться въ это время? Да и зачѣмъ онъ понадобился намъ? Также не было никакого барабаннаго боя по городскимъ улицамъ. Все это авторомъ приближено вѣроятно изъ желанія придать своему разсказу побольше образности! *П. А.*

(***) Авторъ перепуталъ дни. Разсказъ о 4 декабря (н. с.) онъ смѣшалъ съ разсказомъ о 6 декабря (н. с.) Усиленная канонада съ нашей стороны была вызвана англійскими работами на склонахъ Зеленой Горы. *П. А.*

за откосомъ, обставленнымъ турками и, волей-неволей, принннать все, что послышалось намъ небо: и воду, и разрывные снаряды.

Въ такомъ положеніи застаётъ насъ генераль Лебефъ, совершавшій свой обычный доверъ (*). Его появленіе ободрило всѣхъ. Знаменитый начальникъ артилеріи осаждающихъ (**), не щади своей жизни, старался показывать собою примѣръ, смѣло подымая голову надъ наранетомъ, и, внѣ траншей, вдалаь въ опасности съ такимъ спокойствіемъ, которое даже не давало уснуть генералу Бизо, его сопернику, начальнику инженеровъ. И онъ, въ свою очередь, нисколько не затруднялся, выйдя изъ траншей, наблюдать на чистомъ полѣ въ подзорную трубу работы осаждаемыхъ (***). Русскіе какъ будто знали ихъ, и едва они показывались, кричатъ обыкновенно залпомъ картечи. Когда генералы увлекались своими наблюденіями, присутствовавшіе при этомъ дозволяли себѣ нѣкото-

(*) Нынѣ французскій военный министръ.

II. А.

(**) Не только главные начальники отдѣльныхъ частей, какъ генералы Лебефъ и Бизо, часто посвѣщали свои осадныя работы, но по траншеямъ, чуть-ли не ежедневно, обходилъ и главнокомандующій Канроберъ. Въ храбрости французскіихъ осадарамъ никто не откажетъ. Моленсъ, одинъ изъ осадаровъ состоявшихъ при Канроберѣ, въ изданныхъ имъ въ 1860 году „Les commentaires d'un soldat“, рассказываетъ, между прочимъ, интересный случай подобнаго посвѣщенія, рвущійся Канроберъ, какъ главнокомандующаго заботливаго о положеніи своихъ войскъ. Въ одну ночь, говоритъ Моленсъ, шелъ особенно сильный дождь со свѣгомъ. Къ утру онъ прекратился, подморозило, земля покрылась ледяной корой. Лошади не могли двигаться по скользкой поверхности; люди тоже пробиралась съ трудомъ. Канроберъ пешагъ въ траншею со мною, направившись къ ближнему только что прибывшаго поля. Кавалюкъ, все зимерко подъ вѣтра только разбитыя палатками. Не видно было ни одного солдата, кромѣ часовыхъ. У новиковъ не было дровъ—единственнаго средства выйдти побѣдителями изъ предстоявшей имъ борьбы. Да и гдѣ было найти имъ топлива на опустошенной равнинѣ, которая, по-видимому, могла производить однѣ дрова. Генераль закинулъ въ одну палатку... зоветь, будить нѣскольکو человекъ, прижавшихся другъ къ другу, чтобы, успокоившись, забыть свои лишения. Онъ велитъ солдатамъ развести огонь. На него вытаращили изумленные глаза. — „У насъ нѣтъ дровъ“. — „Пойдите, ребята, за мною“. Идутъ. Въ нѣсколько шаговъ Канроберъ оставался востея и конецъ своей палки указываетъ, посреди гладкаго, стѣжнаго пространства, на нѣсколько черныхъ, тощихъ, хрупкихъ хворостинокъ, похожихъ на стебли травы.— „Вотъ дрова“, говоритъ Канроберъ. Солдаты сѣкаютъ, дупаютъ, что это дрова, которой они не понимаютъ. Между тѣмъ они уже развелись, разогрѣлись отъ движенія—а это очень важно. Но генераль закричалъ: „Давайте сюда кирку“. Принесли и начали, по его указанію, разбрасывать свѣгъ, потомъ землю, на мѣста указанныхъ стебельковъ. И что же? скорохонько открылось настоящее сопровоще: огромный чурбанъ.— „Видѣ, завыгали имъ генераль, гдѣ только вы увидите подобныя небаги, вамъ иривраемне, неиробуйте киркою, и вы найдете рождественское дерево!“ Полкъ встрепенулся; солдаты ошамли.... II. А

(***) Генераль Бизо, какъ извѣстно, смертельно раненъ пулей, раздробившей ему черепъ подъ Севастополемъ.

II. А.

рую фамильярность съ ними (рождаемую войной и идущую прямо отъ сердца). Они отдергивали ихъ отъ опаснаго мѣста за кашпюньнъ плаща. Солдаты потихоньку звали ихъ *отцами* — имя, которое, со времени маршала Бюжо, стало почетнымъ титуломъ въ арміи.

Въ день св. Николая, мужество генерала Лебефа поставило меня въ затруднительное положеніе. Понялся слухъ, что русскіе пагисадрируютъ всходящій уголь 4-го бастиона. Генераль Лебефъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ этомъ, но, несмотря на близость укрѣпленія, за дождемъ нельзя было хорошенько рассмотреть происходившаго у русскихъ. Спросили мою подзорную трубу. Ея не было при мнѣ, и потому я бросился въ пороховой погребокъ и принесъ ее. Но увы! я увидѣлъ моего командира уже въ 30-ти метрахъ (15 саж.) передъ батареей, въ чистомъ полѣ. Увлеченный своими наблюденіями, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на непріятельскихъ застрѣльщиковъ, сидѣвшихъ противъ него въ ложементахъ и цѣлившихъ ему прямо въ грудь. У меня не было ни такого дѣла, что у генерала Лебефа, ни той же звѣзды. Мнѣ грозила бѣда, даже, можетъ быть, смерть: русскіе штыки блестя на малый ружейный выстрѣлъ. А воротиться невозможно. Лебефъ ждалъ несчастной подзорной трубы. Эта мысль, вмѣстѣ съ молитвой, мгновенно пронеслась въ моемъ умѣ. Однимъ прыжкомъ я очутился близъ генерала. Пули засвистѣли мимо нашихъ ушей. Никто изъ насъ не показалъ себя трусомъ, но смѣшно было смотрѣть, какъ каждый изъ свиты, переминаясь съ ноги на ногу, будто ненарокомъ старался придать болѣе безопасное положеніе своему тѣлу: одинъ, подъ предлогомъ провѣрки прицѣла, пригибался за плечо своего сосѣда; другой, съ глубокомысленнымъ видомъ, горбился, чтобы сократить свою поверхность. Сознавъ, что, во все время операціи, я прикрывалъ лѣвкими жемами руку и голову. Но генералу сопутствовало счастье, и непріятель ничего не выигралъ. По сравненію съ этою четвертью часа, остальное время дня пронеслось стрѣлой, хотя и не безъ непріятностей. Супъ оказался водянистѣе обыкновеннаго. Я предпочелъ бы ему пищу, которую дома у насъ даютъ собакамъ. Мы грызли сухари и, до вечера прикованные къ туркамъ, безчувственные къ бомбамъ, только тогда вздохнули свободнѣе, когда насъ смѣнили. Промокнувъ до костей, мы, наконецъ, достигли лагеря. Моя хижина не унывала уже мнѣ: на одной хворостинѣ, чѣмъ бы развести огонь. Я зажегъ часть моего стола, нѣсколько страницъ Корнеля, одну за другой, а когда вода начала заливать полъ моей обители и тушить остатки моего костра, закутался въ овчьеное одеяло. Никогда самый

нѣжный пухъ не заставлялъ меня испытывать подобнаго ощущенія. Родные мои заплакали бы, увидѣвъ меня въ ошейдѣ дивихъ, а я трепетала отъ наслажденія. Какъ благотворно дѣйствуетъ звѣриная шкура послѣ двадцатичетырехъ-часоваго, невозможнаго жуланья въ траншеяхъ! Дождь усиливался. Въ ставнѣ мертвая тишина. Я натянула свое одѣяло на голову, какъ дѣлають маленькія дѣти, когда боятся, и вскорѣ ничего не слышала. Но священная тишина была нарушена, послѣ полуночи, громами 4-го бастиона. Съ ревомъ пушекъ сливалась трескотня ружейнаго огня — признавъ, что происходитъ вылазка. На другой день, 7-го декабря (25-го ноября), Севастополь молчалъ, и потому работы двигались, несмотря на неустанный дождь.

Каждый изъ насъ, въ своемъ домашнемъ быту, устремлялся по своему. Огня нѣтъ; вмѣсто постели вода. Весь день мы, съ моимъ Мартенемъ, работали надъ отводомъ воды изъ нашего жилища. Вечеромъ я направилась въ офицерскій клубъ. Тамъ былъ постоянно горѣвшій каминъ. Наше собраніе, уменьшенное, въ своемъ составѣ, неприятельскимъ огнемъ, болѣзнями и распространявшеюся любовью къ монашескому уединенію, въ послѣднее время стало принимать траурный видъ. Здѣсь предсѣдательствовали: «*Отецъ страданія*», «*Все равно*» и «*Распространитель лозыныхъ слуховъ*». Одинъ изъ посѣтителей принялся изучать хирургию, чтобы вранѣе ознакомиться со страданіями на случай, если бы бомба перебила ему одинъ изъ членовъ. Во весь вечеръ онъ, не умолкая, объяснялъ молчаливымъ слушателямъ, подробности ампутацій. Внимая ему, мнѣ какъ бы слышались и визгъ пилы, отрѣзывающей кость, и отчаянные крики раненаго. Мнѣ казалось, я вижу груди мяса и кровь, обгагрившую руки оператора. Мои нервы были разстроены — я ушла; но мысль, что сто разъ въ день каждый изъ насъ, на службѣ, рискуетъ подвергнуться ампутаціи, мнѣ не давала уснуть всю ночь. Моя лошадь ржала отъ нетерпѣнія; она, кажется, тоже мечтала о своемъ прекрасномъ отечествѣ, о свободѣ на тучныхъ пажитяхъ Бретани. Зачѣмъ, думалось ей, я не осталась лошадью земледѣльца? Отчего и я, мечталось мнѣ, въ настоящую минуту не сажу своею напусту въ деревнѣ? Подобныя обращенія къ прошедшему были здѣсь такъ же часты и постоянны, какъ лихорадка. Вездѣ, гдѣ сходились только двое, по крайней мѣрѣ одинъ выражалъ жалобы въ подобномъ тонѣ. За столомъ мы ежедневно бесѣдовали о прелестяхъ домашняго очага. Когда воротимся мы къ этой благодатной жизни? повторяли слушатели хоромъ....

Томительное однообразие нашего быта извѣнчало наши тайныя стѣны. Лагерная жизнь немногихъ отличалась отъ жизни каторжановъ: ни тѣни удовольствій. Бартечь унесла въ могилу послѣднiе проблески веселости изъ нашего жилища; даже попойки получили печальный характеръ. Въ нихъ уже находили только успокоенiе и забвенiе. Друзья избѣгали разговоровъ объ осадѣ, какъ будто изъ боязни убѣдиться въ ея нескончаемости. Севастополь сталъ чаще опочивать, полагаясь на своего вѣрнаго союзника—на Декабрь. Обиѣнъ морскихъ салютовъ производилъ столько же грома, какъ и вѣрностныя пушки.

8-го декабря (26-го ноября) 4-й бастiонъ дремалъ почти весь день. Я воспользовался тишиною, чтобы навѣстить, на перевязочномъ пунктѣ, одного изъ моихъ товарищей. Вотъ такъ противудiе славъ! Блѣдныя, желтыя лица, костыли, слезы... кругомъ зияющія могилы. Я далъ себѣ слово не являться сюда больше, развѣ только по необходимости. Я возвращался вмѣстѣ съ однимъ англичаниномъ. Онъ не признавалъ ослабленiя своей армiи. Какое дѣло, что ихъ сапа не двигалась дальше того пункта, съ котораго она начата, что большая часть ихъ баталiоновъ совершенно уничтожена, что ихъ кавалерiя не существуетъ! Настанетъ день—и остатки ихъ съумѣютъ сдѣлаться достойными Англичан!... Никто ему не противорѣчилъ, разумеется изъ состраданiя. Въ несчастiю, факты говорили другое (*): положенiе

(*) Англiйская армiя, въ это время, была, точно, въ ужасномъ положенiи. Доказательствомъ тому служатъ письма англiйскихъ офицеровъ съ театра дѣйствiй, наполнявшiя столбцы „Times“, „Morning Herald“ и другихъ англiйскихъ газетъ. Вотъ какъ они описывали свое положенiе 30 ноября в. с. „Подкрѣпленiя наши служатъ только для увеличенiя цѣны больнымъ. Несчастные прiѣзжаютъ къ намъ въ проливные дожди и высаживаются въ глубокую грязь. Это ведетъ ихъ въ госпиталь. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ медикаментовъ, врачей, перевязочныхъ средствъ. 46-й полкъ высадился, 10 ноября, въ числѣ 706 человекъ; не бывъ въ дѣлѣ, кромѣ траншейной службы, онъ уже потерялъ 114 человекъ и имѣетъ 257 больнымъ“.

Въ другомъ письмѣ (отъ 6 декабря): „Въ войсѣхъ страшно свирѣпствуетъ цинга, благодаря сырости и пищѣ, почти исключительно состоящей изъ соленой свинины“.

Еще въ одномъ письмѣ: „Мы не можемъ двинуться ни назадъ, ни впередъ. Мы все перемремъ здѣсь отъ голода и отъ неизбѣжныхъ сладостей нашего бездѣльнаго положенiя. Третья часть армiи больна; дрова дѣнь отъ дня становятся рѣже; мы уже не знаемъ что значить свѣжее и свареное блюдо“.

Сэръ Агнесу, въ письмѣ изъ Балаклавы (Times), 18 декабря, говоритъ между прочимъ: „Принесли обѣдъ: ядкий супъ въ жестяныхъ мискахъ, два куска солонины, немного риса и сахару, крѣпше какъ камень“.

Изъ Скутари, въ ту же газету, пишутъ: „Ежедневно наши силы слабѣютъ подъ Севастополемъ, и храбрыя войска наши не выдерживаютъ бремени осады, участiе въ которой, съ нашей стороны, не соответствуетъ нашимъ силамъ“.

русскихъ на Корабельной, вмѣсто ухудшенія, улучшилось; земляныя укрѣпленія воднами вздымались около Малахова. Напротивъ, съ 17 (5) октября наши союзнники занимали прежнюю свою позицію.

Ночь на 9-е декабря (27-е ноября) прошла спокойно. Въ траншеяхъ дѣнь тянулся въ скучной праздности, въ лагерь—въ ожиданіи. Я оббѣгалъ соседніе погребки, отыскивая бутылку рома, чтобы замѣнить имъ отсутствіе топлива. Я надеялся, между прочимъ, услышать тамъ нѣсколько интересныхъ фразъ. Увы! ни малѣйшаго проблеска веселости! Въ этихъ безмолвныхъ собутыльничкахъ вы напрасно искали бы тѣхъ сыновъ Галліи, что смѣялись, бывало, надъ громами небесными. Ихъ скорбѣ можно было принять за нереодѣтыхъ германцевъ. Но, въ подобныхъ обстоятельствахъ, и наши отцы навѣрно также роняли бы на судьбу, какъ роняемъ мы. Ихъ войны были праздниками. Дипломатія приковала насъ къ пустынной скалѣ, отдавъ въ жертву мрачной тоскѣ, лишеніямъ и смерти. Национальная веселость, этотъ цвѣтокъ французскихъ полей, который обыкновенно такъ роскошно распускается въ палаткахъ во время войны, увялъ въ херсонесской стѣнѣ....

Только печаль встрѣчаете вы здѣсь на лицахъ.

....Но настало время идти на службу. Была пасмурная ночь. Неприятельскій бастионъ насъ не привѣтствовалъ. Ни о чемъ не думалось. Воображеніе охладѣло. Иссякъ источникъ воспоминаній. Тянулось минуты.... Меня мучило нетерпѣніе; я пошелъ на соседнюю батарею пошекать въ обществѣ товарища средствъ не одурѣть. На первомъ поворотѣ паралели, осколки лопнувшей гранаты обсыпали меня; но, инстинктивно, я уклонился отъ удара. Не ожидая новаго предостереженія—назадъ. И у себя, дома, довольно случаевъ умереть, чтобы еще бѣгать отыскивать ихъ. Неосторожность очень часто стоила жизни странствующимъ неслетамъ приключеній; однако ежедневные случаи не мелочивали насъ отъ безпечности, благодаря привычкѣ. Опасность притупляетъ чувства, какъ любовныя похощенія, и чугунный дождь, который такъ часто проливалъ осажденный городъ на нашъ лагерь, представлялся намъ такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и осенняя непогода. Солдаты не только не безпокоились при видѣ разрывныхъ снарядовъ, когда эти посланники осажденных грозили явною смертью, но до того простирали презрѣніе къ нимъ,

Въ ту же газету, отъ 18—30 декабря, сообщаютъ изъ-подъ Севастополя: „Во всемъ недостатокъ: въ пушкахъ, мортирахъ, ядрахъ, бомбахъ, топливѣ, матеріалѣ для постройки бараконъ—во всемъ что необходимо для существованія, и потому армія уменьшается и исчезаетъ безъ сраженій“.

Ц. А.

что давали имъ ключи. Пули, картечь, ширинды различныхъ смертоносныхъ сферондовъ, небольшого объема, солдаты называли мухами или москитами, въ память тѣхъ тучъ насѣкомыхъ-кровопійцъ, что въ Варнѣ были мучителями нашихъ ночей. Бомбы до конца внушали къ себѣ уваженіе. Эти машины солдаты сравнивали съ самыми опасными пресмыкающимися. Но русскія бомбы, подчасъ, были очень добродушны: онѣ предупреждали о своемъ прибытіи особымиъ ворчаньями. Ихъ прозвали «Marie-Jeanne». Когда одна изъ нихъ величественно пронеслась по небу, осаждающіе любовались ею, слѣдили за нею глазами, какъ за воздушнымъ шаромъ. Подчасъ держались пари: какое приметъ направленіе тотъ или другой чугунный аэро-статъ, куда онъ упадетъ? Если двѣ или три бомбы были пущены одновременно и, вѣрно, направленные, неслись вмѣстѣ, начиналась суматоха: переставали курить, воцарялась тишина, пока спускались эти кометы. Тревожные взоры были вперены въ нихъ; тутъ находили еще средства уклониться отъ опасности, по крайней мѣрѣ отъ бѣды. Но когда небо озарилось мирандолью бомбъ—поднимался обшій содомъ. Всѣ въ безпокойствѣ, подъ страхомъ смерти: какая драматическая картина для посторонняго зрителя!... Батарей въ эти минуты можно было бы принять за палубу корабля, надъ которымъ разразилось нѣсколько громовыхъ ударовъ. Тотъ растянулся на землѣ, тотъ въ ужасѣ стоитъ, будто прикованный къ своему мѣсту, другіе мечутся, какъ угорѣлые, тѣ пляшутъ и кричатъ благимъ матомъ. Стойте, не трогайтесь! тутъ распоряжается случай! Однако фатальнѣе имѣлъ немного адептовъ. Даже турки старались убѣгать отъ бомбъ. Что сказалъ бы Магомедъ?

Съ восходомъ солнца, 10-го декабря (28-го ноября), между тѣмъ какъ мы, измученные бездѣйствіемъ, прихлебывали свою утреннюю порцію, проходилъ отрядъ редифа, и многіе изъ османлы не отказались отвѣдать запрещеннаго напитка. О времена, о нравы!... Будто вознаграждая себя за данное намъ ночью спокойствіе, 4-й бастионъ весь день не переставалъ стрѣлять залпами. При необходимости безпрестанно спасаться какъ кто могъ, беспорядокъ на батареѣ дошелъ до высшей степени. Одна бомба упала въ дверяхъ пороховаго погреба, но, по счастью, потухла. Увлеченные самосохраненіемъ, мы не замѣчали знаменательнаго движенія въ бухтѣ. Суда, нагруженные войсками, направлялись въ городъ съ сѣверной стороны (*). Предвѣщаніе бури, готовящейся на завтра...

(*). Въ этотъ день никакого особеннаго передвиженія войскъ въ городъ не происходило.

Ночь 10-го декабря (28-го ноября) и утро 11-го декабря (29-го ноября) были замѣчательные спокойны (*). Съ моря можно было подумать, что противники заключили годичное перемирие. Вѣроны безбоязненно садились на землю, между гласисомъ и нашею передовою линіей, терзая забытые тамъ трупы. Было очень холодно. Осень хотѣла отличиться—намъ въ ущербъ, русскимъ въ пользу. Подъ вечеръ 11-го декабря, городъ все еще безмолствовалъ. Мы очень остерегались тревожить 4-й бастионъ; предпочтали беречь снаряды для удобнѣйшаго случая. Ночью канонада не возобновлялась. Огни казались блѣднѣе по линіи укрѣпленій; слышался только отдаленный лай собакъ. Вѣтеръ гналъ тучи со стороны Франціи. Шелъ проливной дождь. Въ лагерѣ, чтобы быть бдительнѣе ночью, завалились спать тотчасъ по закатѣ солнца. Сегодня, вечеромъ, отрядъ молодыхъ солдатъ 42-го полка, новички въ траншеяхъ, заняли караулы въ третьей паралели. Труды и усталость одолевали передовую стражу. Солдаты снали у своего оружія, въ узкой одеждѣ, съ оостенѣлыми отъ холода руками, когда, около 11 часовъ, двѣ колоны осажденныхъ, выйдя незамѣтно изъ 4-го бастиона, внезапно ударили на нихъ. Испуганные крикомъ непріятеля, новички бросились бѣжать. Воспользовавшись суматохой, несмотря на уемлія канонировъ подвижной батареи, русскіе овладѣли тремя мортирами 15-й батареи и готовились идти впередъ; но офицеры собрали защитниковъ и, подкрѣпивъ ихъ ротой волтижеровъ 22-го полка; ударили на атакующихъ въ штыки. Перемѣщались; дерутся въ темнотѣ; побѣжденныхъ не видятъ побѣдителя. Однако непріятель, добровольно ли или принужденный, оставляетъ поле битвы и на немъ немало тѣлъ (**). Взятыхъ имъ тро-

(*) Автору измѣняетъ память или записная книжка. Ночь на 11 декабря (29 ноября) была проведена на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи далеко не спокойно. Во-первыхъ, сами французы, подъ командою инженеръ-поручика Делабуасьера, сдѣлали нападеніе на наши завалы, находившіеся у „Рѣзни“, что на правомъ берегу Бульварной долины, причемъ не обошлось безъ сильной канонады съ 3, 4 и 5-го бастионовъ; во-вторыхъ, впереди редута Шварца (№ 1), противъ французскихъ траншейныхъ работъ, была сдѣлана мичманомъ Титовымъ 2-мъ сильная попытка. Этотъ оенцеръ подкрался къ работавшимъ французамъ и, осыпая ихъ картечью изъ 2-хъ горныхъ единороговъ. Конечно, эта тревога должна была пробудить канонаду съ обѣихъ сторонъ. II. А.

(**) Здѣсь говорится о вылазкѣ, произведенной съ 4-го бастиона, съ цѣлью осмотрѣть третью паралель французовъ и узнать: не возводитъ ли на ней непріятель брешь-батареи, противъ названнаго бастиона. Вылазка была сдѣлана войсковымъ старшиною Головинокимъ, съ 380 человѣками черноморскаго казачьяго № 2 баталіона, подъ командою сотника Щербя и есаула Вербовскаго, 80 вятровъ, подъ командою лейтенанта Ватянова 1-го и мичмана Батурина, 50 солдатъ Колыванскаго полка, подъ командою прапорщика Мишвица, и 5 саперовъ съ инженеръ-поручикомъ Дельсальемъ, всего 515 человѣкъ. На вылазкѣ этой

феєвъ не удалось отнять. Это была едва-ли не первая добыча русскихъ въ эту войну (*). Отбитыя орудія были тотчасъ, подъ надежнымъ прикрытіемъ, отправлены въ городъ, и поутру торжественная процессія, съ распущенными знаменами, при колокольномъ звонѣ, слѣдовала по севастопольскимъ улицамъ благодарить Св. Троицу за начало успѣховъ (**).

Раскаты ружейнаго огня заставили въ лагерѣ опасаться общей большой вылазки. Отнятіе у насъ занимаемой нами равнины было нашимъ кошмаромъ, точно такъ же, какъ штурмъ былъ страшнѣйшемъ для осажденныхъ (***) . Тотчасъ баталіоны, бывшіе въ резервѣ, стали въ ружье. Остальная войска ждала внимательно что будетъ. Спали почти въ боевой амуниціи; слѣдовательно, въ случаѣ нужды, мы мигомъ были бы готовы въ дѣло. Предположенія переносились изъ шалаша въ шалашъ. Придутъ или не придутъ? Сверхъ того, за всѣхъ насъ бодрствовалъ начальникъ главнаго парка. При немъ непріятель не могъ надѣяться перебить насъ сонныхъ. Этотъ командиръ былъ ангеломъ-хранителемъ артилерійскаго стана. Онъ олицетворялъ собою ночную полицію, лучшую всякихъ патрулей. Его благословляли также за объявленную имъ войну лошадямъ, бродившимъ на свободѣ по лагерю: во всякое время ночи слышались его крики на этихъ возмутителей ночнаго успокоенія. *«Въ караулъ безъ очереди!»* вотъ почти единственное наказаніе, употреблявшееся у насъ поцѣ

мы потеряли 13 убитыхъ, 47 раненыхъ и 3 безъ-вѣсти пренавшихъ нижнихъ чиновъ, причемъ смертельно раненъ, пулею въ животъ, лейтенантъ Батяиновъ, умершій послѣ девятидневныхъ страданій. Результатомъ вылазки было то, что наши разрушили 8—мортирную батарею французовъ, залепали на ней и оставили на мѣстѣ 4-mortиры, и принесли съ собою 3 малыхъ-mortиры (15 сажни.); взяли въ плѣнъ оенцера (поручика Мартена) и 8 нижнихъ чиновъ; уложили на мѣстѣ 150 французовъ. Вылазка эта разсказана въ моихъ „Походныхъ Запискахъ“ ч. II, стр. 125—127. Примѣч. 59.

Почти одновременно съ этою вылазкою, мичманъ Титовъ также вышелъ изъ укрѣпленій съ двумя горными единорогами, и съ ближайшей дистанціи далъ по французскимъ траншеямъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, произведя у нихъ тревогу и нанеся имъ нѣкоторую потерю. П. А.

(*) А англійскія орудія, отбитыя на батареяхъ въ балаклавской долигѣ генераломъ Дипранди—забылъ авторъ? П. А.

(**) Само собою разумѣется, что ничего подобнаго въ Севастополѣ не происходило, не было никакого особаго по этому случаю торжества, ни распущенныхъ знаменъ, ни колокольнаго звона, ни процессій и т. под. П. А.

(***) Смысль увѣрить автора, въ твердомъ убѣжденіи найти подтвержденіе нашимъ словамъ у всѣхъ безпристрастныхъ севастопольцевъ, что штурмъ никогда не былъ страшнѣйшемъ гарнизона. Напротивъ, имъ ждали и желали штурма; имъ вполнѣ былъ къ нему готовъ и твердо надѣялись не только отразить его, но воспользоваться имъ, на гибель нашего врага. П. А.

Севастополю. Въ чести крымской арміи, надо сказать, дисциплина рѣдко была вынуждена прибѣгать къ болѣе строгимъ высканіямъ. Когда, при рапортѣ, исчисляли наказанныхъ такимъ образомъ, нашъ полковникъ шутилъ, говоря, что онъ одинъ осужденъ на безсмысленный караулъ не въ очередь!

Вылазки гарнизона, повторявшіяся съ конца ноября (н. ст.), не предвѣщали намѣренія возобновить ингерманское дѣло. Напротивъ, съ 29-го ноября (11-го декабря) генераль Липранди сталъ разрушать укрѣпленія Барани, сжегъ деревню и окончательно покинулъ балаклавскую долину, гдѣ онъ былъ слишкомъ удаленъ отъ главной арміи и, въ крайнемъ случаѣ, не могъ бы явиться на помощь городу. Его отрядъ сосредоточился на правомъ берегу Черной; лѣвое крыло на высотахъ Чергуна; правое занимало вершины Мекензи, рассыпавъ оттуда свои наблюдательные посты до Байдаръ (*).

Своей системой вылазокъ думалъ-ли гарнизонъ остановить наши осадныя работы? Но если работы какъ будто и прекратились, въ особенности у нашихъ союзниковъ, то единственною тому причиною было время года. А въ частныхъ стычкахъ, въ которыхъ побѣда была всегда (?) на сторонѣ осаждающихъ, наши постоянно только досаждали, что непріятель предпочиталъ выбирать ночное время, когда темнота затрудняла преслѣдованіе. Можетъ быть, Тотлебенъ думалъ, посредствомъ вылазокъ, держать насъ въ постоянномъ напряженіи, отвлечь наше вниманіе отъ производившихся тогда контр-апробныхъ работъ, которыя, гигантскими шагами, подвигались между Барантиномъ и Борабельной, затѣмъ отъ палисадированія 4-го бастиона, почти уже оконченнаго (**)? Какъ-бы то ни было, а эта

(*) Генераль Липранди, дѣйствительно, перешелъ на правый берегъ р. Черной, но не 11 декабря—29 ноября, а въ ночь съ 5 на 6 декабря—23—24 ноября. Отозвать эти войска на новую позицію нашъ главнокомандующій былъ принужденъ разливомъ р. Черной и, въ особенности, необходимою сблизить войска къ пунктамъ, съ которыхъ они получали свое продовольствіе. *И. А.*

(**) Генераль Тотлебенъ, въ сочиненіи своемъ «Осада г. Севастополя», Т. I. стр. 398, дѣлъ вылазокъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ дѣлю препятствовать осаднымъ работамъ, обороняющійся производитъ также частыя вылазки, какъ малыми командами, такъ и отрядами, силою до 300 и болѣе человекъ. Эти вылазки тревожили осаждающаго, замедляли его работы и принуждали соблюдать усиленную бдительность, изнуряющую его войска».

По нашему мнѣнію, частыя вылазки изъ Севастополя были, дѣйствительно, необходимы; но мы не можемъ умолчать, что въ тѣ тяжелыя времена, когда происходили вылазки, мы, и съ нами многие изъ борцевъ севастопольскихъ, были убѣждены, что вылазки, производимыя, по преимуществу, весьма незначительными отрядами, такъ сказать, не окупались гарнизону тѣми результатами, какіе отъ нихъ получались. Не забудемъ, что ни одна почти вылазка не обошлась намъ безъ нѣкоторыхъ, часто весьма чувствительныхъ, потерь, и что на этихъ вылазкахъ мы

метода периодических стычек была была ошибкой, неоправдываемой наукою осады крепостей. Чтобы вылазки были, действительно, полезны—говорит Вобанъ—ихъ должно дѣлать съ достаточными силами и направлять исключительно на голову сапы или на вновь сооружаемыя батареи. Если вылазка предпринимается малыми силами и на какую попало точку траншеи, безразлично (какъ это дѣлали все время защитники Севастополя), то онѣ вдекутъ за собою только напрасное пролитіе крови, а нравственный, следовательно и материальный, успѣхъ имѣютъ отъ нихъ не осажденные, а осаждающіе, при условіи осторожности со стороны послѣднихъ, чтобы предупредить случайности, подобныя постигшей 42-й полкъ.

Въ этихъ-то видахъ, въ началѣ декабря (н. ст.), главнокомандующій образовалъ три роты передовой стражи. Вызвали охотниковъ со всей арміи. Явилось множество желающихъ и для ихъ организаціи довольно было одной недѣли. Раздѣленные на команды, отъ 5 до 10 человекъ въ каждой, они должны были дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, то отдѣльно, то вмѣстѣ, и образовали непрерывную застрѣльщичью цѣпь, между передовыми нашими параллелями и непріятельскими укрѣпленіями (*). Такъ создались особыя правила обороны на случай будущихъ вылазокъ. Здѣсь нашла приложеніе и музыка: при малѣйшемъ признакѣ опасности, труба звучала «берегись», и этотъ сигналъ повторялся по всѣмъ линіямъ, до лагеря. По сигналу: «*es russe*», батальоны, наряженные въ резервъ при каждой дивизіи, роты, стоявшія на аванпостахъ у колокольни (**), (clocheton), резервъ у домика, передъ передовыми укрѣпленіями противъ 4-го бастиона (des Carrières), послѣ въ балкѣ у англичанъ—шли на помощь къ траншейному караулу, немедленно выстраивавшемуся у подошвы своихъ парпетовъ. Если непріятель наступалъ

теряли цѣпь нашихъ храбрецовъ. Правда, въ послѣдующій періодъ осады, когда союзники получили значительныя подкрѣпленія, возвели множество новыхъ верковъ, хорошо ихъ вооружили и вообще оправданы отъ зимнихъ невгодъ, вылазки большими массами сдѣлались затруднительнѣе и всегда вносили бы за собою большія потери въ людяхъ, чему доказательствомъ служить извѣстная хрулевская вылазка, 10 марта, съ Камчатскаго юнета, безъ сомнѣнія успѣшная, но дорого намъ стоившая. А въ періодъ осады нами разсматриваемый, когда нравственная сила союзниковъ была крайне ослаблена, когда они не имѣли достаточно и физическихъ силъ, чтобы противустать намъ, большія ночныя вылазки, притомъ одновременно направленные на нѣсколько пунктовъ, хорошо рассчитанныя и смѣло произведенныя, могли бы имѣть чрезвычайные результаты. П: А.

(*) Эти роты назывались „compagnies d'éclaireurs volontaires“. Солдаты ихъ называли „enfants perdus“. Тотлебенъ. Опис. об. г. Севаст. Т. I стр. 537, въ примѣчаніи.

(**) Нѣсколько юнѣе Карантинной балки

П. А.

взвѣзъ, авангардъ дивизіи сивыхъ «мозолей», и по взвѣзъ парализованная труба предупреждала о приближеніи русскихъ. Если неприятель атакуетъ, сигналъ «сбора» гремитъ, сливаясь со звуками первыхъ выстрѣловъ и ускоряетъ шагъ движущихся подразделеній, выступавшихъ при первомъ сигналі. Чтобы направить подразделенія къ угрожающимъ пунктамъ, особыми сигналами даются звѣзды: сѣвѣлана — вылазка на лѣвое, правое крыло или на центръ нашихъ работъ. Кроме того, особое сочетаніе фейерверочныхъ огней, пусканныхъ у колокольна, предотвращаетъ случайность и предупреждаетъ самые отдаленные отряды о происхожденіи. Двѣ ракеты означали «начало тревоги»; три ракеты «подъемъ»; четыре «сборъ»; «звѣзды» означали, что дивизія въ сторону Барантина; «жаровы» (родъ петарды) — передъ 5-мъ бастиономъ; «шормеры» — передъ 4-мъ бастиономъ.

Такия мѣры предосторожности были установлены въ первой половинѣ декабря (н. ст.). Передовая стража общала успѣхъ. Обязанности ея не ограничивались наблюдательною ролью: она должна была, кромѣ того, тревожить тылъ нападающихъ, срывать небольшіе посты, каждую ночь появлявшіеся передъ укрѣпленіями, уничтожать ложементы неприятельскихъ застрѣльщиковъ и разрушать всякаго рода препятствія, затруднявшія движеніе штурмовыхъ колоннъ. Эта обязанность выполнялась охотниками съ увлеченіемъ и удачно. Дикія сорви-голова втораго призыва! Какими тяжкими усиліями они обезсмертили себя при осадѣ! Въ первыхъ рядахъ открывали неприятеля, часто одинъ противъ десятыхъ, нерѣдко бивуакируя въ нустарникахъ, на голой землѣ, часто ползая какъ змѣи, чтобы удобнѣе нанести ударъ врагу или спастись отъ преслѣдованія. И они не хвастали своими подвигами — нѣтъ! Постоянные жители траншей видѣли въ нихъ своихъ наставниковъ. Когда, обыкновенно вечеромъ, послѣ сивны съ караула, охотники скромно проходили, мимо батарей, на свои посты, какъ казалось, сравнивая съ ними себя, прикрытыхъ парашютомъ, что имъ принадлежали къ числу счастливыхъ.

Въ безпрестанныхъ встрѣчахъ гарнизона съ осаждающими, многіе, съ обѣихъ сторонъ, оплачивавшее жизнь или свободой. Отсюда — рядъ сношеній между враждующими сторонами: то для погребенія мертвыхъ, то для обмѣна плѣнныхъ или ихъ корреспонденцій. Оказалось необходимымъ установить церемоніаль встрѣчи парламентаровъ. Для таковыхъ встрѣчъ былъ избранъ восточный уголъ кладбищенской ограды, около Барантина (*). Вынимали бѣлый флагъ; по этому сигналу вездѣ прекращали огонь: тогда парламентаръ выходилъ изъ

(*) Что впереді нашего 6-го баталіона. П. А.

лагеря или изъ города, предшествовавшій трубачамъ. Но изъ возвращеніи, жирный флэйгъ спустился и съ стороны становились срединными ожесточенными врагами.

12-е декабря (30-го ноября) открылось протрашелизъ огня. Проложило свиданіе парламентеровъ, но вышесказанному порядку; хорошие убитыхъ нагауней. Последнее ядро раниво несчастного путешественника, голандца. Куда завлекло его любопытство!

Безысходная осада кадыдала все болѣе и болѣе. Херсенесъ казался могильнымъ полемъ. Бошѣши усматывались. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати дней декабря, на лагерю преходили только погребальными процесси, да весилышники съ ранеными. После похудня была большая буря; злилъ дождь; не шито во отдаило времени идти на службу; въ четыре часа труба дава сигналъ очереднымъ карауламъ. Я имѣлъ честь, увы! слышкомъ обыкновенную, командовать прислужой батарее № 22.

Сегодня вечеромъ, 12-го декабря, посвящали передовую стражу въ ей новую должность — содержанія аванпостовъ. Въ траншеяхъ воѣ многого ожидали отъ этихъ молодцовъ.

Заря обѣщала наступленіе красивыхъ, зимнихъ дней! Благодаримъ Бога за прекращеніе проливныхъ дождей, больше чѣмъ за свиходительность 4-го бастиона, потому что на бивуакахъ тѣтно, утромъ и вечеромъ, сгребали грязь. Но всему пространству главного парка, земля растворилась, мѣстами глубоко чѣмъ на метръ. Иногда ночью, въ нашихъ палаткахъ, являлись зловонные стои, достигавшіе половины нашихъ кроватей. Часто, провыпаясь, мы видѣли себя плавающими подъ одѣялами и невольныхъ купальщиковъ пробирала предостытельная дрожь. Постоянная сырость — злѣйшій врагъ солдата. Самые крѣпкіе люди не могутъ переносить ея. Бѣда тому, кто часто, въ продолженіе 24 часовъ, обяванъ бываетъ службою стоять подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ! Онъ невольно поддается болѣзненному расслабленію. Мы воѣ, кому приходилось по три раза въ недѣлю мучиться въ траншеяхъ, желали наступленія морозовъ.

Въ ночь на 12-е декабря (30-е ноября) мы были обрадованы: морозъ оловалъ землю и обычные посѣтители траншей пустились въ характерстическую пляску, спокойно я съ сухими ногами. Необходимость согрѣться и противустоять дремотѣ, которая могла быть смертельною, возбуждала насъ сильнѣе, чѣмъ громъ оркестра, чѣмъ картина бала. При видѣ нашихъ гимнастическихъ упражненій въ этомъ безпорядочномъ ядрѣнѣ, вмѣсто музыки подъ милостивую

канонаду 4-го бастиона, какъ вѣрно сравнили бы съ утѣшительными гарантуломъ.

Передъ разсвѣтомъ проснулся 4-й бастионъ; съ разсвѣтомъ морозъ усилился. Какъ ветеривлаво: посмотрѣвъ къ сторонѣ колоколни: не несутъ ли намъ утренняго ливарства? Вслухъ мы увидѣли своего послыщика въ открытомъ волѣ, съ нанерной. Онъ писалъ вѣстеля, жестикулировалъ и издали еще держалъ вѣху—то рѣчь къ осажденнымъ. Наши кричали ему: «берегись!» Русские, безчувственные къ его краснорѣчю, открыли по нему ружейный огонь; но Выху съ кровельствовалъ ему и онъ достигъ батарей, послѣ множества эволюцій. Ему простали, несмотря на крайнюю потребность въ водочной порціи; простали отчасти потому, что онъ былъ уже немалочинъ, частію за его героическія подвиги въ частствѣ солдата: подвиги ной гвардіи на январскихъ баррикадахъ. Въ бездѣйствіи, мы терпѣливо ждали завтрака, къ которому намъ принесли мерзлаго свиного сала. Какъ бы въ утѣшеніе, Мартенъ, мой сумбоносецъ, объявилъ мнѣ, что онъ приготовилъ, въ палаткѣ, порадоцный замахъ варной и сухихъ листьевъ. Съ этой минуты, я только и думалъ какъ бы послѣ насладиться прелестями пылающаго домашняго очага. Достигнувъ его, я предался поэтическимъ мечтамъ. Вдали прозвучалъ сигналъ ложиться спать. Лагерь погасилъ свои огни, послѣ того какъ около нихъ съ радостью посидѣли солдаты, добывшіе теплово днемъ. Правствениный барометръ арміи поднялся: каждый былъ доволенъ.

Ночью, 4-й бастионъ не далъ ни одного признака жизни. Нѣсколько бомбъ блеснули со стороны Корабельной; онъ былъ пушенъ противъ англичанъ, которые возмѣли, наконецъ, нѣкоторое механие тронуться изъ своей осадной линіи.

На утро 14-го (2-го) декабря то же положеніе осады. Морозъ усилился; была изморозь. Опять нѣтъ огня, вследствие расточительнаго употребленія топлива напанувъ. Дровосѣки отправлялись къ сторонѣ Балаклавы; армія напутствовала ихъ добрыми пожеланіями. Я придумалъ устроить землянку, которая спасла бы меня отъ ужасовъ предстоявшей зимы. Достаточно было сдѣлать подъ палаткой яму для помѣщенія вѣстели, и углубить эту яму на столько, чтобы, когда морозы усилятся въ половинѣ января, можно было, посредствомъ крышки, удержать въ ямѣ больше тепла чѣмъ въ гробу.

Моя мысль увлекла тѣхъ, у кого были свободныя руки, и всѣ принялись устранивать себѣ подобныя логовища. Монахи не трудятся съ большимъ рвеніемъ надъ приготовленіемъ себѣ могилъ.... Когда

Мартюкъ воротился изъ лѣсу и увидѣлъ меня работающимъ съ киркой въ рукахъ, помирая со смѣху, онъ вообразилъ, что я сажалъ съ ума. Сколько горечи было въ этомъ смѣхѣ! Такой смѣхъ искажаетъ лица подобныхъ намъ людей, дашедшихъ до несказанной крайности, потому что намъ, кромѣ перспективы промать съ голоду, стороно не оставалось ни одной ступени бѣдствія, съ которой приходилось бы еще сойти. Въ лагерѣ убійственная тоска; мертвящій голодъ; близость врага; опасность; скорбь; смерть во всевозможныхъ видахъ; въ перспективѣ госпиталь ревматизмъ на всю жизнь, и те бѣдствія, о которыхъ уже поговаривали съ ужасомъ; страшнѣе потери руки или ноги, ужаснѣе всѣхъ другихъ лишений и оскраданій — отмороженіе ногъ.... Такова была наша доля! Всѣми силами мы боролись съ ожесточенными нападками судьбы, намъ враждебной, и съ климатомъ. Начинались сибирскія ночи. Надлежало гониматься устройствомъ ночлеговъ потеплѣе.

День заключился канонадой съ 4-го бастиона, предпринятою противъ неосторожнаго караула, показавшагося въ долину. Затѣмъ, тихій мракъ своей завѣсой прикрылъ лагерь до утра.

15-го (3-го) декабря. Артилерія, вотъ уже недѣля, какъ окончила вновь предпринятія ею работы и отдыхала на своихъ трехъ стахъ орудіяхъ, большаго калибра, ожидая начала дѣйствія, приостановленнаго на неопредѣленное время. Батарей, съ амбразурами, тщательно укрѣпленными вѣшками съ землей, имѣли приказаніе отнюдь не начинать дѣйствія, иначе какъ въ случаѣ сильнаго вызова со стороны непріятеля. Въ городѣ, послѣ большихъ промежутковъ времени, периодически бросали нѣсколько бомбъ большаго и малаго калибровъ и нѣсколько гранатъ; словомъ, дѣлали только такое количество выстрѣловъ, какое было необходимо, чтобы не задремать. Никто не смѣлъ сдѣлать болѣе 25 выстрѣловъ изъ мортиры. Инженеры безостановочно шли легкой сапой противъ исходящаго угла 4-го бастиона и не прекращали подземной войны. Непріятель, имѣя въ виду возможность энергической атаки съ нашей стороны, гремодилъ препятствіе на препятствіе.

Въ виду приетупа, русскіе обдѣлали эскарпъ деревомъ. Къ палисаду прибавили фривъ и засѣку передъ контръ-эскарпомъ, на наиболѣе угрожаемомъ пунктѣ. Во рву, въ концѣ праваго фаса бастиона, устроили блокгаузъ, вооруженный легкими орудіями, предназначенный взять во флангъ штурмующія колонны, въ тотъ моментъ, когда онѣ спустятся съ гласиса. Русскій инженеръ велъ также инженерство, весьма глубокихъ, подземныхъ галерей, по направленію къ на-

шимъ наиболѣе выдавшимся траншеямъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность, при случаѣ, взорвать наши подмоны, остановить осаждающихъ, если бы они рѣшились дѣйствовать открытой силой, или воспрепятствовать намъ вѣнчать нашъ крытый путь.

Союзники и русскіе исполняли програму предположенныхъ работъ, какъ бы собираясь съ мыслями; исключительно пушки смѣшивали свой громовой голосъ со стукомъ кирокъ.

Со времени инкерманскаго дѣла, огонь значительно уменьшился. Не было ни бомбардировокъ, ни правильной осады.

15-го (3-го) декабря не являлось ни одной вспышки. Лагерь былъ печаленъ. На севастопольскихъ высотахъ стояли другъ передъ другомъ двѣ арміи, укрѣпляющіяся каждая въ своихъ линіяхъ, и стараясь наперерывъ, одна передъ другою, принять болѣе прочное оборонительное положеніе. Между тѣмъ, чѣмъ долѣе отсрочивали рѣшительный ударъ, тѣмъ болѣе русскіе пользовались возможностью укрѣпиться за парашетами и тѣмъ долѣе продолжился наше пребываніе въ мѣстахъ траншейнаго изгнанія. Эта очевидность приводила въ отчаяніе самыхъ рьяныхъ сторонниковъ войны, потому что число больныхъ возрастало въ непрерывной прогрессіи. Привилегированный легіонъ тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ служба ложилась всею своею тяжестью, быстро уменьшался, и большинство ветерановъ Олдъ-форта вотще вздыхала по своимъ вещамъ, гнившимъ въ варскихъ магазинахъ, потому что Камышь, еще только зарождавшійся, не представлялъ пока никакихъ средствъ для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей жизни. Самые твердые находили, что и они обманулись въ прелестяхъ осады. Ропотъ противъ судьбы смѣнилъ побѣдные пѣсни...

Вечеромъ, меня, съ легіонномъ недовольныхъ, отрядили въ третью паралель. Наступленіе ночи радовало меня. Благодаря тишинѣ, очень рѣдкой въ этихъ мѣстахъ, ко мнѣ присоединился мой товарищъ по предыдущему караулу и, вѣрный даннымъ мною ему совѣтамъ, встрѣтилъ меня «ex abrupto», стихами Корнелія: «Есть ли у тебя сердце, Родриго?» Я поспѣшилъ увѣрить его, что у меня, по крайней мѣрѣ, есть память, и мы выступили на сцену, дружески обмѣниваясь тирадами. Я былъ побѣдѣнъ въ декламации, въ томъ превосходномъ мѣстѣ, гдѣ Оидъ, увлеченный приваніемъ своей возлюбленной, выражаетъ презрѣніе къ Испаніи и къ маврамъ. Одушевленіе моего товарища вызвало мою искреннюю похвалу. Мы забыли позднее пробоужденіе 4-го бастиона. Множество бомбъ носилась въ воздухѣ. Одна

ушла неподалеку отъ нашего лагеря и, такимъ образомъ, благодаря своей разсыпанности, мы подвергались большой опасности.

Дурное настроеніе духа у вражески не кончилось до разсвѣта. Саперы передовыхъ санъ были осмыаны; даже минеры, подъ землею, почувствовали брызги чугунаго дождя. Наконецъ, разсердилась и наша сосѣдка — *модрижская батарея*. Тогда произошелъ какъ бы поединокъ между ею и русскими. Неприятельскія бомбы малаго калибра, съ ужасной силой, точно срѣзывали парашетъ. Въ отвѣтъ, наши бросали множество гранатъ. Но затѣмъ канонаду на всемъ полѣ битвы покрывалъ, будто голосъ Стентора, ревъ мортиры, оживляя борьбу. Небо было въ огнѣ. Мнѣ и товарищу, несмотря на увлеченіе декламаціей, пришлось замолчать, какъ освищенный актеръ, и посмотреть что дѣлалось внѣ нашего помѣщенія. Можно было ожидать вылазки, судя по усиленному лаю собакъ въ городѣ. Мы вдыхнули свободно только тогда, когда побѣдѣлъ востокъ.

День до снѣжи прошелъ, по обыкновенію, скучно. Мы оказали честь ежедневной водочной порціи; затѣмъ слѣдовали оживленные гимнастическія упражненія, потому что было десять градусовъ мороза (*), по словамъ нашего караульнаго фланка, всегда носившаго съ собою инструменты. Утренняя трубка, приправленная жалобами на судьбу; потомъ служебныя частности, посылка по начальству рапорта, всегда состоявшаго изъ несносныхъ трехъ словъ: новаго «ничего нѣтъ!»; надзоръ за рабочими по очисткѣ траншей; ожиданіе завтрака; прибытіе сала съ рисомъ; пищевареніе, какъ послѣ куропатки съ трюфелями; попытка вздремнуть, стоя послѣ обѣда, подъ звукъ ружейной перестрѣлки... Послѣ домашняго театра, шествіе нагруженныхъ носилокъ съ аванпостовъ; потомъ еще маленькое несчастіе: табакъ отсырѣлъ и не горитъ! Въ промежуткѣ, множество людей, въ раздраженіи спящихъ взадъ и впередъ по батареѣ, словно звѣри въ клеткѣ; какъ интермедія, безпрестанно повторяемое наблюденіе въ трубу надъ Севастополемъ. Съ большимъ удовольствіемъ видишь разрушеніе, происходящее въ городѣ: тамъ, исключая зданія съ зеленой крышей, не остается предъ нами ни одного цѣлаго дома.

Но оборона необыкновенно усиливается. Изъ-за мусора зянуть пу-

(*) Это неправда: первый порядочный морозъ былъ гораздо позднѣе, а именно 19 декабря; легкіе же морозы начались действительно съ 12 декабря. Генералъ Канроберъ доносилъ военному министру отъ (10—23) декабря: „хотя войска сильно обеспокоены дождями, но холодовъ еще не наступало. Снѣга, давно уже покрывающіе горныя вершины, не появились еще въ долины нашей занимаемой, и термометръ доселѣ еще не падаль, ни разу, ниже нуля.“

песчаныя жерла. Разрушенныя стѣны образуютъ баррикады; баррикады превращены въ паразиты.

Въ досадѣ отворачиваемся отъ этой картины, умоляя небо положить скорѣйшій конецъ негнѣному караулу, случайной ахъ вотъ. Потому появились нетерпѣливыя движенія, допытливые взгляды на часы; затѣлся грустный разговоръ съ старымъ сержантомъ, жалѣющимъ своею Африку; несладковатъ вѣстия англійскаго турбата, рыскаго искателя сильныхъ ощущеній. Наконецъ, освобожденіе...

Возвращеніе въ лагерь, 16-го (4-го) декабря, было похоже на бѣгъ взапуски. Взглянувъ на насъ, со стороны, кто нибудь подумалъ бы, что насъ ожидаетъ гостепримный кровъ, радушный обѣдъ. Увы! Не то! Впрочемъ, сегодня было необыкновенное кушанье, а именно, блюдо улитокъ. Но это не тѣ вкусныя моллюски, пища бѣдненьковъ, что откармливаются на холмахъ родины моей, Прованса; нѣтъ! это тощія слизняки, медленно таскающіе свое оворулку по скаламъ и грязнымъ наменностямъ долины, едва поддерживая свое существованіе. Нѣкоторые гастрономы по сосѣдству прибавили къ этому блюду жаркое изъ веронъ и рагу изъ крыжовъ Тавриды. Общее изобіеніе ихъ было плодотворнымъ явленіемъ дня. Лагерь праздновалъ удачную охоту. Изъ столовой я воротился домой почти сытый.

Утро 17-го (5-го) декабря было очень холодно. Главный паркъ, казалось, бѣдствовалъ: въ немъ деспотически царствовала скука. Въ палаткахъ слышались проклятія или унылыя пѣсни. Снаружи ничего, кромѣ немногихъ отъявленныхъ коньвождцевъ. Только турки парадировали, исполняя свои религіовные обряды; но ихъ музыканты, пострадавшіе отъ болѣзаней, не играли: одинъ барабанъ издавалъ рѣзкіе, отрывистые звуки. Можно было подумать, что наши собратья-османлы совершаютъ зауспокойное молелье.... Севастополь хранилъ молчаніе мудреца. Я всталъ и, за наимѣнѣею топлива, чтобы согрѣться, сталъ бѣгать вокругъ своего жилища. Но этотъ способъ согрѣванья оказался недействительнымъ; я опять принялся за кирку, начавъ углублять свое югильное ложе; потомъ, отдохнувъ, бралъ заступъ. Сосѣдъ зашелъ ко мнѣ и позавидовалъ моему счастью: онъ передалъ мнѣ, что большинство нашихъ падаетъ духомъ; что скоро начнутся самоубійства; что зима будетъ гибельна для насъ всѣхъ. Я не останавливалъ этого зловѣщаго ворона, и чтобы отвратить осуществленіе его предвѣщаній, принялся отыскивать способъ какъ-нибудь развлечься.

Въ палаткѣ, по сосѣдству со мной, была собака, которую хозяинъ привязалъ, уходя въ траншеи. Несчастное животное билось,

рвался, лаяло, выло, словомъ — ужасно случало. Между мною и псомъ установилась симпатія. Я начиналъ его уговаривать, когда онъ ревѣлъ уже слишкомъ усердно... Но мнѣ принесли приказъ идти на батарею, на мѣсто захворавшаго офицера.

18-го (6-го) декабря, у русскихъ былъ день св. Николая, и поэтому думали, что Севастополь отпразднуетъ большою вылазкою день ангела своего императора. Пеговаривали о новомъ покушеніи взять Инкерманъ. Волѣдствіе того удвоили прислугу на осадныхъ батареяхъ и усилили пѣхотные караулы. Каждый на своемъ посту приготовился къ бою; открыли амбразуры, зарядили орудія, повѣрили прицѣлы. Наступила ночь; съ нею начались наши опасенія (*).

Лишь только со стороны города слышался какой-нибудь шумъ, лишь только мелькнетъ на укрѣпленіяхъ какой-нибудь огонекъ или загорится въ ложементахъ ружейная перестрѣлка, либо букетъ бомбъ подымется къ облакамъ, спрашиваютъ: не сигналъ-ли? и всё, съ душевной тревогой, всматриваются въ горизонтъ и разбираютъ оружіе. Это лихорадочное ожиданіе какъ-бы увеличило продолжительность тѣхъ двѣнадцати часовъ, которые надлежало провести до утра.

Когда, наконецъ, первые лучи солнца освѣтили городъ, загудѣли колокола, и барабаны съ грохотомъ, казалось, пробѣгали по улицамъ. Мы терялись въ догадкахъ. Гарнизонъ идетъ къ обѣдѣ, думали мы; священники воодушевляють защитниковъ, и, послѣ благословенія, сѣверные крестовосны—впередъ на варваровъ! Но въ восемь часовъ 4-й бастіонъ, этотъ капелъшестеръ канонады, не подавалъ еще сигнала. Вотъ тутъ-то стали надѣяться, что и день св. Николая не нарушитъ однообразія нашей жизни. Однако, около полудня, толпы зрителей показались на севастопольскихъ парапетахъ. Наши передовые стрѣлки отдыхали и не замѣчали ихъ. Произошло безмолвное перемиріе.

Всѣ глаза, всѣ подворонныя трубы устремились на русскій пародъ, смѣло плывшій по направленію къ Камышу. Узнали «Влади-

(*) По всей французской арміи оициально было объявлено, изъ главной квартиры, о предстоящемъ въ эту ночь вѣшемъ наступленіи. Недовольствуясь извѣщеніемъ, главный начальникъ обсервационнаго отряда самъ объѣзжалъ аванпосты и, приглашая ихъ къ удвоенной осторожности, говорилъ всѣмъ: „неприятель насъ завтра атакуетъ“. „Стало быть“, замѣтилъ ему одинъ молодой солдатъ, „будетъ раздача сапогъ?“. Фей (Ch. Feu), ризказывая эту выходку въ своихъ „Souvenirs de la guerre de Crimée“ (Paris 1867 г.) замѣчаетъ: „кому не извѣстно, что русскіе обуты въ кожаные сапоги. Наши солдаты постарались собрать всѣ сапоги, какіе только могли, на полѣ инкерманскаго сраженія, и эти сапоги имъ такъ понравились, что каждому хотѣлось непременно имѣть такіе же“. II. А.

мира», отчаяніе нашихъ моряковъ—того семаге, который ночью обманивалъ бдительность крейсеровъ и подходить даже къ нашей эскадрѣ. Но днесь, какія могутъ быть намѣренія у этого корифея Сивода? После бѣги 2-го (14-го) ноября, часть нашего флота ушла на зимовку къ берегамъ Азіи и въ Константинополь; пользуясь уменьшеніемъ нашихъ морскихъ силъ, не рѣшился ли онъ достигнуть нашего рейда? Не употребить ли въ дѣло бравады?

Такиа комментаріи прибавляли интереса ожидаемому морскому представленію. Но едва русскій пароходъ-фрегатъ вышовалъ Стрѣлецкую бухту, ему наперерѣвъ повеселя англійскій пароходъ. Непритель даже не выждалъ залпа (*). Онъ проворно повернулъ и удалился назадъ.

(*) Разсказчикъ ошибается. Морская вылазка происходила не въ этотъ день, а 6 декабря новаго стиля (24 ноября). Вице-адмиралъ Нахимовъ доносилъ о ней Государю Императору рапортомъ отъ 24 ноября, за № 588. Выло перучено пароходу „Владиміръ“, капитанъ 2-го ранга Бутаковъ, имѣя въ резервѣ пароходъ „Херсонесъ“, капитанъ лейтенантъ Рудневъ, атаковать желѣзныя выгнатовыя пароходы, наблюдавшія за движеніями нашихъ судовъ на рейдѣ и стоявшія противъ „Песочной бухты“. Выбавая изъ-за бановъ, „Владиміръ“, полнымъ ходомъ, пошелъ на своего врага и на пути сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по неприятельскому лагерю, расположенному на восточномъ склонѣ Стрѣцкой бухты. Замѣтивъ наступленіе „Владиміра“, неприятельскій пароходъ сталъ удаляться отстрѣливаясь, подъ прикрытіе кораблей, стоявшихъ въ Камышевой бухтѣ. „Владиміръ“ продолжалъ дѣйствовать по немъ и отступилъ только тогда на соединеніе съ „Херсонесомъ“, обстрѣливающимъ, все время, лагерь у Стрѣцкой бухты, когда подошелъ подъ выстрѣлы неприятельскаго флота, многія суда котораго стали уже разводять паръ. Два англійскіе и одинъ французскій пароходы начали приближаться къ нашему, а пароходъ, стоявшій у Качи, самъ съ жора, чтобы броситься наперерѣвъ „Владиміру“.

Что замѣчаніе автора, будто „Владиміръ“, не дождавшись даже открытія неприятельскаго огня, повернулъ назадъ, неврѣно, доказывается нѣкоторымъ поврежденіемъ оскъ-матчи „Владиміра“ неприятельскими ядрами.

Эта вылазка, по словамъ Герена (*Histoire de la dernière guerre de Crée. Paris, 1859. Томъ II, стр. 24*), показала союзному флоту существованіе прохода между затопленными въ бухтѣ нашими судами, и французскіе моряки рѣшились его исследовать, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ для атаки съ моря, открытой оной. Въ этотъ андакъ, адмиралъ Вриа выслалъ въ омотки нѣсколько эскадрокъ оеяцеровъ, и на шлюпкахъ, ночью, отравилъ на разведку. Предпріятіе это, по увѣренію Герена, было очень удачно. Разведующіе проникли черезъ проходъ между затопленными судами, а бариса „Шарлеманъ“, на которомъ шелъ Вриа, даже достигъ до ками, проткнутой черезъ бухту. Но тутъ, говоритъ тотъ же писатель, наши замѣтили французовъ и оспали ихъ всевозможными снарядами, съ прибравшими батареями. Нѣкоторые сварили копала и въ адмиральскую шлюпку. Разувется, французамъ неспѣшили удалиться, и, по ихъ словамъ, не повесали потерю.

Не смѣемъ утверждать, чтобы разсказъ Герена былъ вымышленъ; но намъ кажется странно, что разсказаннаго случая мы не находимъ ни въ своей памяти, ни въ нижней записной книжкѣ, тогда какъ мы аккуратно записывали великіе, сколько нибудь замѣчательный, случаи въ Севастополѣ, а особенно здѣсь разска-

защиту карантиннаго форта, при грохотѣ амюниментовъ англо-французскихъ зрителей и къ всеобщему прискорбію русскихъ. Тогда мгновенно все исчезло. На гребняхъ укрѣпленій не видно уже было ни одной человеческой фигуры и осада пошла обычной колесой: малая война на аванпостахъ; даль бомбамъ, увлечиваемая 4-мъ бастіономъ.... Какая насмѣшка!

Настоящій день, начавшійся при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ, кончился прескучно. Шелъ дождь. Облака превратились въ микрокосмическія-мелкую изморозь. Она проникла сквозь платье и колола все тѣло, точно булавами. Траншеи представляли угрюмый, недовольный видъ: въ нихъ бранились, чуть не дрались, изъ-за всякихъ пустяковъ. Только охотники, занимавшіе свои обычныя мѣста, были непричастны этимъ временнымъ смутамъ. Одинъ изъ нихъ, исполняя свои обязанности передъ третьей параллелью, привелъ насъ въ восторгъ. Пользуясь волнистою мѣстностью и растянувшись на животъ, онъ подвигалъ свое ружье передъ собою и ползъ впередъ, хватаясь за траву или просто за землю. Его можно было принять за змѣю. Весело было любоваться искусствомъ этого охотника: такъ методически онъ подбирался къ неприятелю и неподозрѣвавшему подобной стратагемы. Однако намъ не удалось видѣть результата этого оригинальнаго нападенія: мы ушли.

Воротясь домой, мы застали лагерь въ смущеніи. Неприятность неудачи, испытанной нами въ Николинъ день, усиливалась слухами о сильной помощи, пришедшей къ русскимъ и состоявшей изъ авангарда 2-го и 3-го корпусовъ, о выступленіи которыхъ изъ Одессы, съ мѣсяць уже какъ увѣдомлялъ Омеръ-Паша.

Въ самомъ дѣлѣ, ряды палатокъ со дня на день увеличивались на высотахъ Мелензи и въ долинѣ р. Черной. Этими извѣстіями

занное, вызвавшее кампанию прибрежныхъ батарей по судамъ, уже проникшимъ въ самую бухту, не могло бы не сдѣлаться предметомъ общихъ толковъ въ севастопольскомъ гарнизонѣ. Еще болѣе намъ кажется невозможнымъ событіе, передъ которымъ Гереновъ, вѣстому, что объ немъ умалчивать и Тотлебенъ въ сочиненіи своемъ „Осада г. Севастополя“, и генералъ Нель, и офиціальное французское изданіе „Historique du service de l'artillerie“, упоминающее о нашей морской вылазкѣ. Последнее сочиненіе ошибочно говоритъ, что ее произвели три нашихъ парохода.

Думаемъ, что всѣ интересующіеся достоительно исторією севастопольской защиты, пожелають, вмѣстѣ съ нами, чтобы упомянутый поучительный случай былъ или подробно разъясненъ, или фактически опровергнутъ въ нашей литературѣ. Если адмиралу Брну, дѣйствительно, удалось, съ вѣселящими шансами, проникнуть до дѣли прорытой черезъ бухту и безнаказанно воротиться, то это доказывало бы слишкомъ большой недостатокъ въ бдительности, съ нашей стороны, надзоръ за бухтой!...

П. А.

объявленное временное бездѣйствіе русскихъ. Чтобы опредѣлить численность непріятеля, узнать расположеніе вѣшняго севастопольскаго гарнизона, принятое имъ съ того времени, какъ русскіе оставили балаклавскую долину, наконецъ, чтобы разгадать ихъ намѣренія, рѣшено было сегодня, 18-го (6-го декабря), генералу д'Александрову прошесть рекогносцировку къ Чергуну.

Ночью, 18-го (6-го декабря), крѣпость бушевала. Изъ доменовъ и съ укрѣпленій поддерживали сильный ружейный огонь. 4-й бастіонъ стрѣлялъ залпами. Это западалое усовершеніе пробудило наши батареи и, такимъ образомъ, дрались до утра.

Утро 19-го (7-го декабря) было блѣдно, какъ зимнее солнце, убѣлавшее долину, блѣдно, какъ огни только и горѣвшіе еще, тамъ и сямъ, въ трактирахъ, распространяя тоску между отшельниками главнаго парка. Становилось все труднѣе найти себѣ какое-нибудь развлеченіе. Я пошелъ сѣмтаться по сѣдьямъ.

Малѣйшая прогулка по лагерю была труднымъ путешествіемъ, по малости дорогъ, заваленныхъ навозомъ, покрытыхъ мерзлыми лужами. Меня увлекала потребность пошманы. Я ходилъ отъ двери къ двери, съ палкой окованной желѣзомъ. Нѣсколько латинскихъ фразъ, которыми я перекинулся со своими товарищами, составляли весь нашъ разговоръ. Одинъ говоритъ: «я советѣмъ одурѣлъ!» Другой: «мы, пожалуй, одѣлаемся крестинами!» — Третій: «вы вѣрите въ возможность штурма? вѣрите?... Мы всѣ здѣсь погибнемъ!» — Последній: «намъ не видать больше Франціи!»

Такой отголосекъ общественнаго мнѣнія ужаснулъ меня... Я прусь въ своемъ монастырѣ до завтра... Вагенмейстеръ принесъ письмо изъ дома. Бѣдные мои родители! Ихъ положеніе, въ это ужасное время, было хуже нашего. Недавно навѣстилъ меня другъ моего дѣтства. Онъ вообразилъ, что я уже не существую и сдѣлалъ мнѣ роднымъ, такъ называемый; визитъ соболѣзнованія. Ошибки въ этомъ родѣ были очень обихованны. Насъ всѣхъ, одного за другимъ, хоронила предупредительная молва. Франція, уже сорокъ лѣтъ отвыкнутая отъ великихъ жертвоприношеній богу браней, оплакивала нынѣ участь жертвъ восточной войны: у нашихъ матерей не было уже сердецъ снартанскихъ женъ! Меня умоляли отвѣчать... Поправляю свое единственное перо и изображаю въ письмѣ, что Крымъ отнюдь не адъ, какъ разблаговѣстили газеты, но довольно сносное чистилище. Чернилъ нѣтъ, даже въ лавкахъ. Ихъ замѣняютъ у насъ преимущественно разжиженная вакса. Притомъ холодъ не давалъ мнѣ писать, а потому, такъ или иначе, надо было развѣсть

стоны. И вотъ я обрелъ на кестеръ свои счеты, нѣсколько бѣлыхъ страницъ записной книги—драгоценное мое сокровище, мое утѣшеніе—связку патронной бумаги, половину соломы, замѣнявшей мою подушку, длинный турецкій черешневый чубукъ, часть моего стула, наконецъ нѣсколько листовъ изъ Беранже—тѣ лѣсны, которыя я лучше другихъ зналъ мануэль. Я далъ себѣ слово завтра добыть топлива, во что-бы то ни стало.

Ночь прошла неспокойно. На 4-й бастіонъ какъ будто *находило*—два раза, въ полночь и на разсвѣтъ. 20-го (8-го декабря), тысячи снарядовъ неслись съ вѣсовъ наши линіи, долетая даже до такъ называемой *булты ядере* (Ravin de boulets) (*), которая служила какъ бы общимъ вывѣстившемъ снарядовъ ложившихся въ окрестности, во время бомбардировокъ. Караулы бодрствовали. Саперы, работавшіе безъ закрытія, должны были пріостановиться на довольно долгое время. Одни минеры не прекращали работъ. Однако, въ семь часовъ, вскадроны, подъ командою генерала д'Алонвиля, двинулись на рекогносцировку, подкрѣпленные тремя ротами зуавовъ и полкомъ шотландцевъ (**). Русскіе патрули, при приближеніи нашего авангарда, отступили.

Всюду на высотахъ скалъ, были видны русскіе часовые, верхомъ на клячкахъ, съ пиками. Наши ведеты напрасно старались вызвать этихъ почевниковъ въ долину. Не было слышно ни одного выстрѣла (***). Вечеромъ наши патрули безпрепятственно достигли горъ, отдѣляющихъ Балаклаву отъ байдарской долины, и убѣдились, что непріятель, не помнящая о предпріятіи общаго наступленія на наши линіи, окончательно укрѣпляется за Черной (****).

Возвратившись съ развѣдки, наши аванпосты вновь заняли старыя турецкія редуты, и такимъ образомъ, безъ выстрѣла, мы опять утвердились на мѣстности, потерянной 25-го (13-го октября).

Севастополь замѣтилъ наше движеніе и гарнизонъ всю ночь былъ въ готовности. Съ инженернаго дѣла французы получили

(*) „Ravin aux boulets“, или „des carrières“, французы называли нашу Карантинную балку. П. А.

(**) По Нюлю (Siège de Sebastopol. Paris. 1859), рекогносцировка, подъ начальствомъ генерала д'Алонвиля, состояла изъ 6-го полка драгузовъ и 4-го полка конныхъ африканскихъ егерей. Въ то же время, въ подкрѣпленіе этой рекогносцировки, изъ Балаклавы, для занятія Байдарскихъ высотъ, двинулся 42-й полкъ шотландцевъ полковника Камерона, баталіонъ стрѣлковъ и полубаталіонъ зуавовъ. П. А.

(***) Неизвѣстно: была перестрѣлка, причѣмъ и у насъ ранены одинъ казакъ. П. А.

(****) Выше было уже замѣчено, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ лѣвый берегъ Черной былъ нами очищенъ на 24-е ноября. П. А.

какъ бы привлекло отражать вылазки. Наши союзники, благодаря отдаленности головы ихъ сами отъ неприятельскихъ укрѣпленій, не обращали на себя вниманія русскихъ. Положеніе англійскаго войска отнимало у лорда Раглана всякую возможность впасть въ случайности атакъ; по недостатку рукъ, необходимыя караулы въ лагерѣ и въ Балаклавѣ содержались въ явный ущербъ успѣху траншейныхъ работъ. Смерть уложила послѣдніе остатки англійской кавалеріи. Перевозныя средства уменьшились до того, что явилось затрудненіе въ подвозѣ снарядовъ и продовольствія.

При такомъ слабомъ состояніи нашихъ боевыхъ товарищей, у нихъ было достаточно запасовъ (*). Имъ помогали присылкою рабочихъ. Ежедневно до тридцати нашихъ свободныхъ довозовъ катились по балаклавской дорогѣ. Однако мортары, присланныя мальтійскимъ губернаторомъ, ожидали своего часа на набережной бухты, а чтобы обмануть неприятеля, на высотахъ Баранд (***) были раскинуты пустыя палатки.

Чрезъ лазутчиковъ и нашихъ перебѣжчиковъ, а можетъ быть и изъ неосторожныхъ обмолвокъ лондонскихъ газетъ, Меншиковъ зналъ слабость англійскихъ осадныхъ работъ; и вотъ русскіе охотники пошли изслѣдовать это больное мѣсто осады. По счастливой случайности, избранный осажденными пунктъ атаки охранялся прѣтомъ уцѣлѣвшихъ «рифальменовъ» (стрѣльцовъ). Хладнокровно и мужественно они открыли сильный огонь, на ближайшую дистанцію, по нападающимъ; неприятель бросился направо и попалъ на нашу третью параллель, передъ укрѣпленіемъ, недавно только выстроенное и, не еше формъ, названное французскою буквою Г. Тутъ ихъ встрѣтили штыками—русскіе «налѣво кругомъ» и побѣжали (***). 4-й бастионъ отмыслилъ канонадой изъ

(*) Въ „Morning Herald“ 6 (18) декабря писали изъ Балаклавы: „Балаклавскій портъ наполненъ кораблями, морские выгружаются. Вечерины сухарей, свинымъ, рому, ящики съ одеждою, осадными орудіями, ящики картофеля, ячменя, ящики съ карабинами Минье, все это разбросано въ густой и черной грязи. Вьдраде и оберванные люди двигаются изредки волочащей грязью, гибнущая подъ тяжелыми ногами: это солдаты нашихъ пехотныхъ полковъ, никогда столь крапкіе и блестящіе“. Сэръ А. Агнью пишетъ отъ 15 декабря: „Корабли и магазины наполнены предметами первой необходимости; но, по недостатку перевозныхъ средствъ, люди умираютъ отъ лишений и страданій“.

П. А.

(**) Деревня Каранд между Балаклавскою бухтою и монастыремъ св. Георгія.

П. А.

(***) Въ сущности вотъ въ чемъ было дѣло. Въ ночь съ 8 на 9 декабря, были сдѣланы двѣ вылазки. Первая вылазка произведена съ 3-го бастиона противъ англичанъ. На Зеленую Горку пошелъ лейтенантъ Вершневъ съ 120 охотниками, имѣя въ резервѣ роту Селенгискаго полка, поручика Вальева (въ этой ротѣ находился подпоручикъ Юдинъ), а на Воронцовскую высоту двинулся лейтенантъ Астановъ, съ 150 охотниками, имѣя въ резервѣ 100 охотниковъ, подъ командою

всѣхъ своихъ орудій. Этимъ успѣхомъ ознаменовалось вступленіе на осажденную службу 5-го легкаго полка. На утро приказъ по арміи называлъ сражающихся, и, въ награду за блистательный дебютъ, прибывшій полкъ былъ назначенъ на защиту самаго опаснаго пункта. Это сдѣлало его предметомъ уваженія арміи и пробудило въ ней соревнованіе. Духъ войскъ на войнѣ питается мужествомъ. Въ военное время кавалеристъ не смотритъ уже свысока на пѣхотинца; канониръ не смѣется надъ пріемами кавалериста, не передразниваетъ его; нѣтъ смѣшныхъ феодаловъ; нѣтъ ребяческаго тщеславія. Между всѣми равными дѣтьми одного семейства, хотя и разнаго оружія, тотъ считается выше, кто большею славой увѣнчаетъ отечественное знамя. Ошибки покрываются молодецкими подвигами. На полѣ битвы такъ же честно подняться послѣ паденія, какъ и постоянно побѣждать. Упрекали 42-й полкъ въ потерѣ трехъ мортиръ; но въ послѣдствіи онъ со славой заставилъ забыть эту немилость къ нему судьбы.

Реконноспировка, произведенная наканунѣ, принесла неожиданную прибыль несчастному лагерному населенію. Въ арьергардѣ последи дровосѣковъ, съ фурами, и между тѣмъ какъ солдаты генерал-майора Московскаго полка Попадковскаго. Отрядъ Астанова раздѣлился на двѣ части, которыя должны были атаковать англійскія траншеи, одновременно, съ двухъ сторонъ. Для развлеченія вниманія непріятеля, отъ Пересмыи пошли на англійчанъ двѣ партіи штурмникова, одна въ 30, другая въ 25 человекъ. Отряды выступили въ два часа ночи и, незамѣтно приблизясь къ непріятелю, бросились на него въ траншею, опрокинули его и захватили въ плѣнъ: на Зеленой Горѣ 2-хъ оецировъ и 2 нижнихъ чиновъ и на Воронцовской высотѣ 1 оецира и 14 нижнихъ чиновъ, равное оружіе и вещи. Наши потеряли 39 человекъ, въ томъ числѣ убитыми 4-хъ, ранеными 25 чел. между ними 3 оецира, 6 контуженными и 4-хъ безъ вѣсти пропавшими. Эта вылазка разсказана подробно въ книгѣ „Шкодныхъ Записекъ“, Т. II стр. 131—132 и прил. 62.

Вторая вылазка, къ ту же ночь, была произведена съ 5-го бастіона, съ цѣлію разрушить новыя ближайшіе къ намъ подступы французовъ, преимущественно главный, въ видѣ литеры Г, около 210 сажень отъ неподвижнаго угла редута Шварца и около 280 сажень отъ неподвижнаго угла 4-го и 5-го бастіонствъ. На эту вылазку съ командиромъ Титовымъ ходило 350 охотниковъ, при двухъ германскъ еднерогахъ, подъ главнымъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Ильинскаго (Геренъ называетъ его capitain Hinkel). Этотъ отрядъ, еще не достигнувъ цѣли своего движенія, былъ открытъ французами (2-й баталіонъ 5-го легкаго полка, майора Бурмана), и, подъ нѣхъ сильными ружейными огнемъ, веротился безъ боя, потерявъ 1 убитымъ и 4 ранеными. Изъ настоящаго разясненія слѣдуетъ, что замѣчаніе французскаго автора не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; во первыхъ, покушеніе противъ англійчанъ было вполнѣ успѣшно—доказательство убійства и троескъ; во вторыхъ, передъ французскую 3-ю паралель и новое укрѣпленіе, названное букввою Г, попали отряды не войска, отброшенные, по словамъ автора, англійчанами, а нарочито назначенный для разрушенія этой батареи отрядъ, который и шелъ прямо на нее.

II. А.

ла д'Алонвила гонимыя за казачами, дровосѣки рубили лѣсъ около д. Божары. Вечеромъ, получивъ топливо, мы подсмѣивались надъ «декабрешъ».

При раздѣлѣ, мнѣ досталось чѣмъ топить до конца мѣсяца. Сравнивая часть мною полученную съ доставшеюся моему сосѣду, я замѣтилъ, что его обочли. Мартенъ объяснилъ мнѣ дѣло внушительными знаками. Подъ грубою оболочкою, этотъ амьзасецъ скрывалъ достоинства доктора плутней. Когда ему удавалась какаянибудь выходка въ мою или въ свою пользу, напримѣръ обмануть расхочника топлива, или получить лишнюю порцію овса для моей лошади, онъ говорилъ на своемъ ломаномъ нарѣчій: «всякій для себя, шоп lieutenant, всякій для себя!» Я не имѣлъ мужества упрекать Мартева. Сегодня онъ получилъ даже благодарность отъ меня: О чистая добродѣтель времяя Олдъ-Форта, что съ тобою сталося (!)! При изобиліи въ топливѣ, и надежда воскресла въ сердцахъ. Отчизна-мать усилленно заботилась о насъ. Вездѣ устраивались въ нашу пользу національныя подписки; по словамъ газетъ, энтузіазмъ овладѣлъ даже дамами. Во времена оны жены рыцарей вышивали шелками шарфы крестоносцамъ и за иголкою лелѣяли мечты о славѣ. Другія времена, другіе люди! Нынѣ дѣвцы вяжутъ шерстяные чулки бѣднымъ крымскимъ солдатамъ, и изъ ихъ же дѣвичьихъ рядовъ выступаютъ героини, въ одеждѣ сестеръ милосердія, и идутъ въ константинопольскіе госпитали на борьбу, у коекъ раненыхъ солдатъ. Такимъ образомъ, и женщины и граждане приносили свою лепту. Былъ слухъ, что транспортъ патріотическихкихъ приношеній вышелъ уже въ море и не замедлитъ улучшить положеніе бивуакирующихъ.

Мы все почти были уже снабжены плащами съ капюшонами, по-

(*) Здѣсь намекъ на то, какъ вели себя офицеры союзной арміи тотчасъ послѣ высадки у Евпаторіи. Въ первой части своихъ записокъ, авторъ, описывая высадку союзниковъ у Олдъ-Форта (старога замка), между прочимъ, рассказываетъ слѣдующій случай, какъ фактъ той «чистой добродѣтели», къ которой онъ теперь взываетъ:

«На утро другаго дня высадки, толпы солдатъ отправились пошарить въ окрестности, и разграбили, до-чиста, ближайшую татарскую деревню. Нѣсколько канонировъ нашей батареи приняли живое участіе въ этой безчестной экспедиціи, увлеченные примѣромъ американскихъ служахъ, большихъ мастеровъ производить набѣги. Фуражиры, къ ночи, воротились на бивуакъ обремененные добычею, которую тащили, на арбѣ, два вола. Бѣдный ихъ хозяинъ издалъ слѣдиль за шествіемъ и обратился къ намъ съ жалобою на самовольство нашихъ людей. Мы наказали грабителей, возвратили татарину все у него отнятое и тутъ же все у него купили, щедро расплатившись съ нимъ чистымъ золотомъ. Татаринъ остался служить намъ и съ своими волами, не рѣшаясь возвратиться въ свою деревню, чтобы опять не быть ограбленнымъ».

И. А.

ходили на военное домино, и намъ раздавали перья мѣховыя пальто, защиту отъ траншейнаго холода. Поговаривали о скорой раздачѣ сабо (деревянныхъ башмаковъ). Султанъ *осчастливилъ* армию, подаривъ ей красныя фесы—единственное доказательство вниманія, выраженного турками своимъ спасителямъ. Какимъ благодареній вамъ больше? Путники—храброе меньшинство—толковали е предстоющей присылкѣ какихъ-то новозобрѣтенныхъ, особаго устройства, бомбъ. По ихъ словамъ, нѣтъ ничего невозможнаго для генія изобрѣтательности. Находили же возможнымъ какой-то англійскій механикъ скрыть севастопольскія урѣзленія напоромъ цѣпныхъ доломотивовъ!

Что касается великодушія, Англія не отставала отъ Франціи. Золото лилось рѣкой въ кошельки жертвъ войны. Вельможи подавали примѣръ. Герцогъ Мальбороу приказалъ своимъ охотникамъ убить отъ двѣхъ козъ для офицеровъ крымской арміи. Но несчастію, администрація не была еще въ силахъ вторить этому патріотическому увлеченію, а наши союзники, на нашихъ глазахъ, гибли все быстрѣе и быстрѣе.

Эта помощь, эти знаки уваженія облегчали порой наши страданія; но невыносимое положеніе осаждающихъ пересоздало, въ физическомъ отношеніи, самыхъ молодыхъ людей. Закутанные въ бараныя шкуры (*), обросшіе бородами, небритыми съ Варны, загорѣлые и одичалые, мы походили, при безпорядочной обстановкѣ нашихъ жилищъ, скорѣе на искателей приключеній, чѣмъ на цивилизованныхъ воиновъ. Отцы навѣрное не узнали бы своихъ дѣтей. А что касается нашихъ милыхъ соотечественницъ, которыя, предсѣдательствуя на крымскихъ лотереяхъ, посылали намъ пожертвованныя сигары, или трудились для насъ, то если, изъ числа ихъ, мечтательницы рисуютъ себѣ романическими красками героевъ Алмы, въ битвѣ подъ Севастополемъ—какая иллюзія! При выступленіи въ траншеи, лбы нахмуривались; глаза у однихъ сверкали гнѣвомъ, у другихъ тускнѣли; у иныхъ волосы становились дыбомъ. Бѣзи на затылкѣ; нанталоны запряганы въ охотничьи сапоги; другихъ отличій нѣтъ, кромѣ золотаго шнурка на плечѣ; краснымъ шерстянымъ шарфомъ обмотанная шея; въ одной рукѣ сабля, въ другой нага;

(*) Да и не только въ бараныя, но даже въ невѣдѣнныя собачьи шкуры. Въ началѣ осады, со всѣхъ окрестныхъ хуторовъ, покинутыхъ хозяевами, голодавшія собаки собрались въ огромномъ числѣ, преимущественно въ лагерь англійской кавалеріи, гдѣ имъ была большая пожива отъ передохшихъ, въ значительномъ количествѣ, фронтowych лошадей; но лишь только наступили большіе холода, французскіе солдаты перестрѣляли этихъ собакъ и одѣлись въ ихъ шкуры.

подзорная труба и фляга через плечо — такова была наша боевая форма. Бьютъ маршъ. Въ дорогу! Ординарецъ несетъ за командиромъ запасную шинель, болгарскія штилеты и походный запасъ въ торбѣ, наступаетъ ночь; каждый наряжается по своему вкусу.

Сущій маскарадъ! Одни намотали на себя множество разной одежды или обмотали голову платками; тѣтъ импровизировалъ себѣ муфту; этотъ натянулъ бумажный колпакъ на каску. Надо было всѣми средствами опасаться отъ холода. На утро, при возвращеніи со службы, картина была еще прозаичнѣе. Страшная пыль, конечно, не скрывала насъ. Бойцы были покрыты черной грязью. Торожились надѣть плафронъ, деревянныя башмаки, чтобы испытать наслажденіе подобное тому, какое испытывали нѣкоторые мученики, когда, на нѣспомню мгновеній, превращались ихъ терзанья.

Однако, бывали въ траншеяхъ таинственные моменты, въ которые леть и пристрастіе могли бы прославить насъ. Это когда русскіе нападали на наши линіи и когда мы, волей-неволей, бывали вынуждены бросаться въ бой. Много разъ я присутствовалъ при такихъ ночныхъ дракахъ, происходившихъ въ непроницаемой тьмѣ, причесть было неизвѣстно: достигалъ ли какихъ результатовъ огонь сватки? Послѣ этого мы опять принимали видъ дивабрѣй.

Нарѣдка какіе-нибудь фешенебли напоминали своимъ щегольствомъ тѣхъ дворянъ былаго времени, цвѣтъ рыцарства шайхихъ предшественниковъ въ боевой карьерѣ, которые осаждали города разодѣтые и раздушенные. Честь имъ! Любовь къ туалету предполагаетъ величіе души, если эта любовь проявляется среди тысячи опасностей, на волосокъ отъ смерти.

Утромъ 21 (9) декабря, я сибаритничалъ у большаго костра и, впервые, съ нетерпѣніемъ ждалъ заката, потому что моя очередь въ караулъ обыкновенно приходилась вечеромъ. Одинъ изъ моихъ ближайшихъ товарищей, смѣясь, показалъ мнѣ письмо своей кузины. Это юное существо, безъ сомнѣнія начитавшійся Байрона, такъ начинало свой дневникъ: «Очаровательный богатырь! чего бы я не отдала, чтобы рукоплескать тебѣ, когда ты смѣло пойдешь на приступъ...» Она насъ такъ идеализировала, что если-бы ей не было шестнадцати лѣтъ, то можно было бы принять ея письмо за насмѣшку. Въ обычный часъ я отправился въ траншею. Зернало, заброшенное на моемъ столѣ, между всякою мелочью, случайно показало мнѣ смѣшную карикатуру *современнаго богатыря*, и всѣ поэтическія сравненія юной энтузиастки, прійдя мнѣ на память, оживили мой путь.

Сегодня караул шелъ веселѣе обыкновеннаго; небо было ясно; заходящее солнце представляло за Херсонесомъ всю прелесть заката, который бываетъ такъ живописенъ въ восточныхъ странахъ. Не было ни малѣйшаго облачка на небѣ со стороны наконецъ успокоившагося моря. Все обѣщало прекрасный зимній вечеръ; да же Севастополь затихъ. Наступала ночь; беззаботно бродилъ я по третьей параллели; бомбы падали изрѣдка; я продолжалъ свои послѣбѣданныя мечтанья. Около полуночи, подъ вліяніемъ измѣненія температуры, я закончилъ тезисъ, начало развитія котораго было испещрено такими цвѣтами. Однако обстановка не измѣнилась. Обычный ревъ русскихъ пушекъ, слабое мерцанье звѣздъ. Командиръ, обходя батареи, проронилъ нѣсколько печально-значительныхъ словъ: «друзья, утолщайте батарею». Паранеть и безъ того уже имѣлъ восемь метровъ толщины. Мы предпочли бы драться въ открытомъ полѣ; но не время было расточать снаряды. Тоска мучила насъ душе холода...

Какой-то философъ утверждалъ, что самое лучшее общество — быть одному. Если бы этого философа посылать ежедневно въ траншейный караулъ, онъ, навѣрное, отказался бы отъ своихъ словъ. Усиливаясь занять, развлечь себя, устаешь еще скорѣе. Только глупцы всегда довольны.

Что до меня, то, продумавъ безсонную ночь, я готовъ былъ бы купить цѣною продолженія траншейнаго караула (великая жертва!), общество товарища, хоть бы только до утра. Я побѣждалъ къ одному любимцу Камены: мнѣ объявили, что его отнесли на перевязочный пунктъ. Нечего было дѣлать; оставалось довольствоваться обществомъ сержанта, который рассказалъ мнѣ исторію своего семейства. Въ этомъ семействѣ была наследственной страсть къ вину. Многие изъ предковъ сержанта умерли отъ пьянства. Отецъ, старый республиканскій солдатъ, ведя, однажды, конскриптовъ походомъ, по бесплоднымъ полямъ Бретани, гдѣ виноградъ не растетъ, увидѣлъ вдали виноградникъ. Онъ тотчасъ же построилъ свой отрядъ во фронтъ, лицомъ къ холму, на которомъ былъ разведенъ виноградникъ, и отдалъ ему воинскую честь.

Эти анекдоты заняли меня на нѣсколько минутъ. По счастью, 4-й бастионъ повзбодился о развлеченіи насъ въ остальное время ночи. Ужаснымъ образомъ увеличивалось число бомбъ, появлявшихся на нашемъ зенитѣ. Цѣлыя стаи маленькихъ гранатъ сбивали паранеть и ложились въ одно и то же избранное мѣсто, будто ядра, пущенныя искуснымъ стрѣлкомъ. Подвижная батарея усердно от-

вѣчала на вызовъ. Часто за одинъ ударъ она платила снопомъ гранатъ. Всѣ сосѣднія мортиры помогали ей усердно. Канониры до того оживились, что можно было подумать, будто у нихъ сегодня праздникъ, еслибъ вдругъ, по временамъ, не раздавался жалобный стонъ раненаго, и если бы не появлялись носилки. Воздухъ казался краснымъ отъ блеска бомбардировки, которая принимала видъ огненнаго моста, перекинутаго съ укрѣпленій Севастополя на нашу третью параллель (*).

Находясь по сосѣдству, на авансценѣ, мы думали насладиться спокойнымъ созерцаніемъ картины; но опасность помѣшала. Приходилось безпрестанно ложиться на землю, нагибаться, бѣгать, прыгать, какъ ловкимъ игрокамъ въ мячъ. Ничто, однако, изъ насъ не потеряло и капли крови на этой осадной игрѣ въ бомбы. Съ восходомъ солнца канонада прекратилась, и 22-го (10-го декабря) своимъ однообразіемъ чуть не заставила насъ пожалѣть о волненіяхъ битвы. *«Новою ничею нѣтъ!»*—такъ и объявлено. Эти три слова сдѣлались для насъ почти тождественными съ тѣми, что поэтъ помѣстилъ въ надписи на дверяхъ ада! *«Новою ничею нѣтъ!»*. Безконечность осады, вѣчно: «прости!» отечеству становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ.

Насталъ вечеръ, и мы, послѣ тяжелыхъ вздоховъ, усиленныхъ пируетовъ, прыжковъ въ разныя стороны во время нахождения на батарее, съ восторгомъ встрѣтили свою смѣху.

Сегодня у насъ ужинъ былъ не такъ скверенъ какъ обыкновенно. Одинъ полковой рыбакъ поймалъ какое-то морское чудовище, страшное на видъ, но съ вкуснымъ мясомъ. Мы поглотили его.

И зачѣмъ демонъ товарищества увлекъ меня сегодня въ офицерскій клубъ? Тамъ оставалась только скучная группа подъ председательствомъ отцовъ *«Лишенія»*, *«Страданія»* и *«Тѣмъ хуже»*, и вотъ какъ они проводили вечеръ: первый восклицалъ: «о Боже, какая скучная жизнь!»; второй: «Жизнь—то насмѣшка!»; третій: «мы такъ много страдаемъ, а зачѣмъ?»—Последній: «О еслибы небо послало мнѣ *счастливую рану!*» Затѣмъ всѣ жалобно стонали и, послѣ минутнаго молчанія, разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ.

(*) Эта усиленная канонада, съ нашей стороны, была вызвана нападеніемъ французскихъ охотниковъ на наши передовые ложементы, передъ 5-мъ бастиономъ, оставленные нами при приближеніи французовъ. Наши, отступивъ, подали условный сигналъ, и укрѣпленія открыли по ложементамъ усиленный огонь, прогнавшій французовъ, которые успѣли, однако, разрушить два ложемента. Ложемента тотчасъ опять были нами заняты и, въ ту же ночь, приведены въ совершенную исправность.

Бѣда, кто осмѣлился бы сказать одно шуточное слово. Этихъ господъ возмущалъ одинъ видъ веселаго пришельца изъ траншеи. Я отвѣсилъ имъ поклонъ и далъ себѣ слово, до лучшихъ дней, не посягать этой доли плача (*).

Завтра, 23-го (11-го) декабря, канунъ сочельника Рождества Христова, дня чтимаго даже мусульманами, какъ годовщины рожденія ихъ пророка, но праздновать который они себѣ не позволяютъ. Бивуачныя заботы не могли отклонить солдатъ отъ исполненія заветнаго обычая, и попойки, нерѣдко шумныя, являлись предвѣстниками предстоящаго ночнаго пиршества. Всѣ, одной семьей, предполагали повеселиться за общимъ столомъ, 25-го декабря, а артиллеристы рѣшили праздновать, за-одно, и день св. Варвары, въ убѣжденіи, что святая великомученица не обидится заповѣдальнымъ торжествомъ ея праздника. Хозяева артелей шныряли уже съ утра, съ озабоченнымъ видомъ, словно дипломаты кулинарнаго міра.

Въ лагерѣ царствовалъ недостатокъ; во всемъ чувствовалась нужда; слѣдовательно, нелегко было устроить пиръ изъ ничего. Такая почетная обязанность, на этотъ разъ, лежала и на мнѣ. Поэтому я счелъ долгомъ представить настоящее положеніе вещей моимъ товарищамъ. Если у насъ и было топливо, если мы и имѣли деньги, то не было ни зелени, ни говядины, словомъ, буквально ничего! Я отправился за покупками. Солнце играло; зима была забыта. Камышь походилъ на большую ярмарку. Отъ толпы комисіонеровъ и поваровъ, которыхъ рожи были краснѣе ихъ штановъ, рѣзко отдѣлялись маргитантки, словно разбросанныя маргаритки по полю, покрытому краснымъ макомъ. Кое-гдѣ проглядывалъ канканъ. Объявлялось о прибытіи перваго транспорта куръ Бу-Мазы. По этому случаю рассказывали исторію арабскаго шейха.

Въ началѣ кампаніи, высадивъ въ Константинополь и не заплативъ денегъ за проѣздъ, онъ предложилъ свою саблю къ услугамъ властителя правовѣрныхъ. Турція отвергла его услуги. Оттуда онъ явился къ Шамилю. Но африканская репутація Бу-Мазы не достигла Кавказа и черкесскій вождь протурилъ его. Тогда, разлюбивъ славу, но не желая лишиться союзниковъ своихъ услугъ, этотъ соперникъ— пигмей Абдель-Бадера, съумѣвшій разными обманами поднять нѣсколько степныхъ племенъ, этотъ разбойникъ — кабилъ, которому алжирскіе бюллетени придали случайное значеніе, этотъ Бу-Маза, нѣ-

(*) Главнокомандующій, генералъ Канроберъ, писалъ военному министру, отъ 22 (10) декабря: „Нравственное остояніе арміи превосходно“. Приведенный нами рассказъ показываетъ какъ оно было превосходно!

которое время любимецъ Париза, снисходилъ до роли поставщика птицъ войскамъ, осаждающимъ Севастополь. Если вѣрить вѣстовщикамъ, прибыли уже его передовые.

Дорогою каждый мечталъ: что купить? и создавалъ планы параднаго обѣда, съ сюрризомъ своимъ товарищамъ. Тотъ проектировалъ приготовить хорошее жаркое, другой рагу, этотъ лѣгкие щи. Моимъ идеаломъ было душеное мясо. Одинъ поварь, большой мастеръ своего дѣла, увѣрилъ меня, что безъ свѣжей моркови невозможно хорошо приготовить душеннаго мяса. Случай помогъ мнѣ найти морковь. Камышь росъ не по днямъ, а по часамъ. Его наводняли торговцы. Нѣсколько лавокъ уже предлагали различные припасы на вѣсъ золота. На два франка даютъ немного больше двухъ фунтовъ картофеля; на пять франковъ полъ-литра прованскаго масла!

Сегодня, 24-го (12-го) декабря, рейдъ былъ щегольски изукрашенъ, по случаю отъѣзда адмирала Гамелена, отозваннаго во Францію и замѣщеннаго адмираломъ Брва. Посреди налюминированныхъ флагами кораблей, покачивалось большое судно, нанятое константинопольскими спекулянтами, притянутое къ берегу и осажденное покупателями. Оно было со свѣжою зеленью—наша мечта. Покупатели оспаривали этотъ грузъ другъ у друга, съ ожесточеніемъ людей, питавшихся только саломъ. Было что-то похожее на биржу.

Протискиваясь въ толпу, я высмотрѣлъ, въ глубинѣ барки, привлекательно-желтую морковь, величиною чуть не съ тыкву, такую морковь, какой не производятъ тощіе огороды Франціи, съ зеленымъ и свѣжимъ стеблемъ. Такой корень способенъ развиться до подобныхъ размѣровъ только подъ небомъ Востока! «Что стоятъ?» закричалъ я греческому штурману. — «Три франка!» — «Получай». Я не торговался, потому что видѣлъ, какъ одинъ лагерный богатчъ собирался уже вырвать у меня морковь изъ-подъ рукъ.

Счастливымъ обладателемъ растительнаго богатства, я возвращался домой съ другими, болѣе или менѣе навьюченными провизіей и торжествующими. Нѣкоторые тащали свои корзинки съ важностью маговъ. Англичане несли нудинги, нарочно присланные изъ Англій, по приназанію королевы. Моя морковь шествовала съ триумфомъ въ торбѣ Мартена.

Но, по возвращеніи моемъ въ лагерь, собрался домашній военный совѣтъ, и, о непрочность счастья!... Принимая во вниманіе дороговизну душеной говядины, принимая во вниманіе, что финансы артеа потрясены въ основаніи, меня увы! отодвинули на задній планъ. Министръ, болѣе способный и экономный, мой налѣстникъ, мастерски

подвигомъ ознаменовала свое вступленіе въ должность: по сосѣдству издохъ жирный мулъ—и мой намотчикъ разными просками добылъ отъ него кусокъ отличнаго филе.

Спорная морковь какъ бы разрослась. Ея достало на праздничныя кушанья. Мы лакомились ею нѣсколько разъ и съ жаркимъ, и надъ соусомъ. Приготовленія къ торжеству вездѣ подвигались быстро и усѣбно. Въ лагерномъ воздухѣ пахло близкимъ праздникомъ и время обѣщало возвращеніе веселыхъ дней.

Смѣялись надъ Бэбромъ, однимъ изъ сильныхъ лицъ осады, котораго новичекъ—ординарецъ, встрѣтивъ у дверей барака, закутаннаго, по лагерному обычаю, въ одѣяло, въ полнѣйшемъ утреннемъ неглиже, принялъ за его бородобрѣя. Хотели надъ однимъ офицеромъ, который ночью, въ траншеѣ, имѣлъ обыкновеніе напяливать, сверхъ своего кэпи, бумажный колпакъ. Однажды, на разовѣтъ, его поѣтила нѣкая особа: торопясь съ нею раскланяться, нашъ собратъ забылъ про свой бѣлый колпакъ.

Кромѣ подобныхъ пустяковъ, ни о чемъ больше не заботились, какъ только о потребностяхъ желудка. Вездѣ происходили домашнія сцены, въ родѣ случившейся со мною. Серьезныя дѣла были отложены.

Вотъ, въ концѣ декабря, въ какую чепуху обратилась хроника осады! Интересы сосредоточивались на сплетняхъ и на переднихъ. Зима парализовала начальниковъ осады. Сапа не подвигалась. Дѣятельно работали только въ минныхъ галереяхъ.

Даже слово *итурмъ* не произносилось, какъ будто траншеи только что открыты. Чаще всего наши батареи и непріятельскіе бастионы имѣли свои амбразуры герметически закупоренными. Сторонній наблюдатель не повѣрилъ бы, что три великія европейскія державы дерутся въ херсонеской пустынѣ. Ничего не происходитъ подъ Севастополемъ, ничего на Черной! За своими укрѣпленіями и внѣ оныхъ, гарнизонъ выжидаетъ диверсіи *маршала Янгара*, предполагаемаго спасителя города.

Армія осаждающихъ, наскучивъ бездѣйствіемъ, посматривала уже на Малаховъ курганъ, желая чтобы ей на долю досталась эта лучшая часть, предоставленная англичанамъ. Офіціальные бюллетени лорда Раглана точно обрисовывали положеніе союзниковъ и въ нѣсколькихъ словахъ выражали всю современную исторію. Онъ сообщалъ англійскому министру: «время дождливое», или: «идеть снѣгъ», или: «морозить»; «смертность возрастаетъ»; «никто не подается»; «все благополучно». Въ лаконизмѣ Цезаря не было больше правды.

Несмотря на остановку сапныхъ работъ, нравственная сила осаждающихъ не ослабѣвала. Ропотъ былъ миколетный. Высшіе и низшіе, отъ перваго до послѣдняго, были готовы на всевозможныя самопожертвованія, и едва прояснялось, какъ, при первыхъ лучахъ солнца, къ войскамъ возвращалась твердость временъ Алмы.

Утро 24-го (12-го) декабря, какъ и канунъ этого дня, прошло въ приготовленіяхъ къ празднику. Изъ всѣхъ землянокъ несся тонкій запахъ рагу, да шыгади западалы пароместики *селитромылы* припасовъ.

Брысы, конуганныя запахомъ ихъ жареныхъ собратій, не смѣли показываться изъ глубины своихъ норъ и щелей; вороны осторожно порхали внѣ охотничьихъ выстрѣловъ. Севастополь былъ спокоенъ съ утра до вечера. Онъ проснулся только разъ, когда началась развѣдка. Вмѣстѣ съ другими, я велъ въ огонь часть артиллерійской прислуги. Солнце садилось въ лазурь, едѣтую багрянцемъ. На сѣверѣ невидно было ни облачка, и нигода еще караулъ не шалъ тамъ весело къ своимъ мѣстамъ. Несмотря на визгъ ядеръ, одна мысль о праздничномъ ужинѣ воодушевляла всѣхъ. «Ахъ! если бы мы теперь были во Франціи, какое счастье!» восклицалъ одинъ. — «Я ужиналъ бы съ отцемъ и съ матерью». — «А потомъ», прибавлялъ другой, «въ полночь—въ церковь». — «И сколько тамъ всегда бываетъ красавицъ», замѣчалъ третій—«Свѣчи у алтарей, будто нарочно, едва горять, и гдѣ нибудь, тайкомъ, уснѣешь сорвать поцѣлуй». — «Мы пѣли бы тамъ рождественскія молитвы» — приселовуплялъ любитель пѣнія.... Скоро они запоютъ, въ траншеяхъ, но тихо, въ полголоса, и дунъ себѣ въ рукави отъ холода, потому что къ ночи морозъ усилился. Другихъ неприятностей намъ не предстоитъ: городъ очень скучъ на бомбы.

Такимъ образомъ бесѣда, начатая съ выступленіемъ, не прерывалась до прибытія на батарею. Праздникъ Рождества Христова оживилъ самыхъ говорливыхъ. Въ траншеяхъ только и было рѣчи о деревенскихъ воспоминаніяхъ, и, за недостаткомъ свѣжихъ боевыхъ впечатлѣній, солдаты съ наслажденіемъ прислушивались къ живому отголоску отечества. Каждый новый часъ будилъ въ нихъ новыя, трогательныя воспоминанія. Полночь—часъ стоиленвенія молитвы съ удовольствіемъ.... Часъ утра — встрѣча влюбленныхъ въ часовнѣ; два часа—выходъ изъ церкви. Разсвѣтъ — восхитительная минута, когда сельская стража, въ праздничныхъ одеждахъ, послѣдуемая толпами пляшущихъ дѣтей, съ музыкой, провозглашаетъ по улицамъ священный часъ пробужденія и радостную вѣсть.... Поддень—боль-

шая деревенная служба съ музыкою и съ господиноуъ шероуъ, въ парадномъ шарфѣ. Дѣвицы разодѣты въ возможно-легкія зимю платья. Потомъ—семейный обѣдъ съ торжественно-поданнымъ индюкомъ)... «О, если бы у насъ могъ быть такой же!»—замѣчали любящія хорошо поѣсть. Послѣ вечерень — прогулка. Приглашаютъ дѣвицъ на предстоящій балъ. Сидятъ, надѣются. Боже! какое содровище юность! Бойцы осады одними разговорами объ этихъ сладостныхъ мечтаніяхъ, отолъ отъ насъ далекихъ, врачевали свои страданія и передавали свою радость другимъ.

Севастополь до конца сохранилъ уваженіе къ нашему религиозному настроенію, и, впервые засвѣгло, кончилась неожиданно наша барщина. Я простила съ третьей паралелю, до новыхъ распоряженій. Вчера высадилося подкрѣпленіе артилеріи, что вызвало необходимыя измѣненія въ распредѣленіи нашихъ служебныхъ обязанностей. Моя рета перешла изъ центра атаки на оконечность ея праваго фланга. Слушать здѣсь или тамъ было все равно, потому что осаждающимъ въ перспективѣ представлялась зима, готовая, такъ сказать, сорваться съ гѣби. Я воротился въ лагерь, менѣе озабоченный этой переѣвной постовъ, чѣмъ предстоящимъ праздничнымъ ужиномъ. Онъ былъ очень оживленъ. Позднею ночью, въ палаткахъ, еще видны были огни. Звучи трубъ, въ которыхъ слышалось разгульное веселье, покрывали печальные сигналы тушить огонь. Шумъ рождественскаго праздника пробуждалъ и англійскій бивуакъ. Венера горѣла на горизонтѣ Ялты, будто та звѣзда, что указала волхвамъ мѣсто рождества Іисуса Христа. Видъ радостнаго, торжествующаго лагери воспринималъ въ воображеніи Виселемъ, тотъ многознаменательный день, когда Господь сошелъ на землю.

Ночь прошла спокойно. Можетъ быть, по примѣру своихъ соперниковъ, и Севастополь пировалъ за ужиномъ, потому что въ городѣ гремѣла музыка до поздней поры. На другой день отдыхъ въ лагерь. Я отправился въ Камышь и видѣлъ тамъ Омера-пашу, который прибылъ сегодня, 24-го (12-го) декабря, изъ Константинополя, съ особымъ порученіемъ. Избавитель Силистріи (?) высадился безъ пышности. На пристани солдаты привѣтствовали того, кого они, на своемъ языкѣ, прозвали «Mère-Rascha». Онъ тотчасъ отправился въ главную квартиру французовъ. Въ честь его былъ собранъ совѣтъ, на которомъ разсуждали о привітій мѣрѣ къ достиженію успѣха въ предстоящей кампаніи на всѣхъ театрахъ войны. Относительно турокъ рѣшили, чтобы гарнизонъ Евпаторіи, предназначенный для вышнихъ маневрированій и жившій до 12,000 человекъ, былъ,

въ самомъ непродолжительномъ времени, усиленъ до 45,000 человекъ. Турецкій вождь недолго оставался въ Брнну. Онъ уѣхалъ, несколько не завидуя славѣ бездѣйствующихъ союзниковъ.

Корабль, который доставилъ Омера-Пашу въ Брннъ, привезъ нѣсколькихъ офицеровъ. Между ними былъ одинъ изъ моихъ лучшихъ школьныхъ друзей. Я его отреккомендовалъ Сандису (*), который далъ ему убѣжище въ свободной палаткѣ. Мы пробесѣдовали всю ночь. Гость долго разсказывалъ мнѣ про Францію. «Тамъ насъ облагаютъ», говорилъ онъ. Желая разсѣять его иллюзи, я объяснялъ ему, что мы ведемъ здѣсь жалкую жизнь; что никто не знаетъ что съ нами будетъ завтра; что зима уже свирѣпствуетъ; что въ самые жестокие холода берегутъ топливо; что, для иррегулярнаго времени, существуютъ траншеи съ погребальными церемоніями и офицерскій клубъ, *segels*, гдѣ на снѣгѣ наложено проклятіе, гдѣ общество вояновъ—траншистовъ безпрестанно повторяетъ: «братья, надо умирать!» Я говорилъ также, что если онъ хочетъ испытать здѣсь нѣсколько приятныхъ минутъ, то необходимо уединиться и предаться игрѣ воображенія. Этотъ очеркъ нашей дѣйствительности не разочаровалъ моего одноклассника, уже просвѣщеннаго въ Марсели однимъ изъ возвратившихся нашихъ товарищей, раненымъ въ ингерманскомъ сраженіи. Онъ допрашивалъ меня: «далеко-ли Севастополь входитъ во внутреннюю страну, и отчего неслышно пушечныхъ выстрѣловъ?»—«Гореть, во временахъ, спать», отвѣчалъ я; «но берегись его пробужденія!» Вскорѣ послѣ высказаннаго мною предостереженія, 4-й бастіонъ запѣлъ свою утреннюю нѣбю, по случаю какой-то попытки нашихъ охотниковъ. Земля дрожала. Ночь была очень темна. Тогда Сандисъ, расчетливый, какъ всѣ пожилые люди, закричалъ намъ: «гасите свѣчу». И мы послушались, засыпая и читая молитвы. Но предварительно мой товарищъ вытащилъ изъ своего походнаго чемодана цѣлую коллекцію игръ—надежду и развлеченіе предстоящихъ дней: карты, лото, гусекъ, въ особенности гусекъ, игру, соответствовавшую нашимъ обстоятельствамъ, потому что, говорятъ, ее изобрѣлъ Паламидъ, подъ стѣнами Трои.—«Завтра, когда ты устроишь свое жилище въ главномъ паркѣ, приходи, мы займемся!» Перспектива интересной партіи усладила мой сонъ.

Въ осадѣ ни одного случая во всю ночь.

Рано утромъ 27-го (15-го) декабря, я воротился въ лагерь; ничего не измѣнилось въ мое отсутствіе; только небо заволокли снѣговья тучи. Прощай, веселый рождественскій праздникъ! Съ утра еще

(*) Одинъ изъ товарищей автора.

херсонесская долина приняла свой унылый видъ. Осаждающіе табулись, по направленію къ колокольнѣ, точно процессія кающихся. Сигналы едва успѣвали созывать больныхъ. На всѣлланадѣ, неподалеку отъ моряковъ, продавались вещи одного нашего убитаго товарища. Небольшая толпа покушниковъ тѣснилась около комисара. Каждый какъ бы боялся приобрести эти воспоминанія о смерти. Каждый, прежде чѣмъ рѣшиться на покупку, повторялъ: «кто знаетъ, можетъ быть, завтра будутъ продавать съ аукціона и мое добро?»—Отъ скуки я занерсѣ въ своемъ логовищѣ и, чтобы порвать нить размыслаиваній, рѣшился приняться за свой обычный трудъ—за углубленіе своего алькова.

Ночь прошла безъ приключеній. Праздная армія не обращала никакого вниманія на равовѣтъ. Я послѣдовалъ общему призыву и проснулся тогда, когда уже настало время завтрака. Мрачное небо; въ лагерь безмолвіе.

Чтобы добраться до батарей № 21, моего новаго боеваго поста, расположенной на границѣ англійскихъ осадныхъ работъ (*), я долженъ былъ пронутешествовать по прелестнѣйшей мѣстности. Мы шли оврагомъ. Предъ нами точно иссохшее ложе громадной рѣки; его волнообразные склоны достигали до долины; съ французской стороны восточныя друтизны состояли изъ скалъ, изрѣзанныхъ пещерами, жилищемъ волковъ передъ войною.

Въ первое время осады, казаки выгнавъ волковъ, размѣстили въ пещерахъ свои передовые посты. Мы, въ свою очередь, выгнали казакѣвъ и, теперь; въ этихъ пещерахъ устроены наши пороховые магазины. Къ нимъ проложили отъ пристани дорогу, обезпеченную отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Тутъ во всемъ предгоріи не было и

(*) Французская батарея № 21, для 4-хъ турецкихъ мортиръ, на краю Сандинавской балки, на крайней точкѣ праваго еланга французскихъ работъ, была врѣзана въ скалистый утесъ, что дѣлало ее совершенно для насъ незавѣтной и превосходно ее предохраняло отъ прицѣльнаго огня; къ тому же положеніе батарей на краю утеса, у глубокаго обрыва, спасало ее отъ дѣйствія разрывныхъ навѣсныхъ снарядовъ. Пороховые погреба этой батареи, равно и помѣщеніе для прислуги, были устроены въ природныхъ гротахъ и пещерахъ. Она имѣла назначеніемъ обстрѣливать 4-й бастионъ (1800—1400 метровъ), дѣйствовать по докамъ, по казармамъ, по мостику черезъ Корабельную бухту и, наконецъ, вообще по городу. Турецкія мортиры этой батареи дѣйствовали довольно хорошо, но дурно-приготовленные снаряды были причиною множества несчастныхъ случаевъ на батарее: нерѣдко снаряды разрывало въ самомъ жерлѣ орудій; но всего опаснѣе былъ преждевременный разрывъ уже брошенныхъ снарядовъ, поражавшій французскихъ застрѣльщиковъ, которые находились между нашею позиціею и этою батареею. Съ нея же бросали въ городъ ракеты капитанъ Гарель.

сетой доли тѣхъ слѣдовъ взрыва бомбъ, что на каждомъ шагѣ покрываютъ мѣстность передъ 4-мъ бастиономъ. Проходя мимо пороховыхъ погребовъ, мы съ завистью посматривали на часовыхъ, курившихъ безъ малѣйшей опасности.

Городъ стрѣлялъ; множество снарядовъ снускалось съ высоты. Въ глубинѣ оврага уже лежали тѣни, но около разрушеннаго домика еще ясно обрисовывался фонтанъ, осажденный траншейными носильщиками. На этотъ-то пунктъ и былъ направленъ огонь русскихъ (*). Мы ускорили шагъ и достигли, наконецъ, площадки, вѣсчленной въ скалѣ, на которой стояли четыре боевые колоды: то были турецкія 99-ти фунтовыя мортиры, прикрѣпленныя къ своимъ станкамъ канатами, какъ будто уличенныя въ какой преступленіи.

Эспланада батарей № 21 соединялась съ батареей № 23, тоже отданной въ наше распоряженіе и состоявшей изъ шести превосходныхъ бомбическихъ пушекъ, которыя были присланы изъ Константинополя, какъ говорили, въ подарокъ султану отъ англійской королевы (**).

Прежде чѣмъ стемнѣло, я рассмотрѣлъ наше новое зимовье, отдалъ строгія приказанія прислугѣ и расположилъ ведеты за пригоркомъ, указаннымъ мнѣ передъ паранетомъ. Орудія были хорошо заряжены и наведены. Потомъ я пошелъ исцѣлять ушибенца для себя самого.

Я надѣялся найти въ сосѣднихъ скалахъ болѣе гостеприимный кровъ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. По близости я усмотрѣлъ яму; но и цивилизованная собака, конечно, не заняла бы ее. Однако я пробрался въ нее и устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ постели, изъ песку и изъ своего платья. Снаружи кто-то закрылъ входъ ко мнѣ носилками. Растянувшись на своемъ нероскошномъ диванѣ, я мечталъ по крайней мѣрѣ не проводить болѣе цѣлыхъ ночей подъ открытымъ небомъ. Около полуночи, въ урочный часъ, отдаленное эхо ружейной перестрѣлки, по временамъ, нарушало окрестную тишину. Я

(*) По другимъ источникамъ, батарея № 23, лежавшая влѣво отъ батарей № 21 (какъ мы уже сказали построенной на гребнѣ Сарандивакиной балки) и дѣйствовавшая противъ батарей Никонова и 4-го бастиона, была вооружена 5-ю турецкими 25-фунтовыми бомбическими пушками и тремя турецкими же мортирами (33 сант.). Въ мартѣ (Historique du service d'artillerie. 1859. Т. II) она была увеличена одною турецкою мортирою; въ апрѣлѣ турецкія орудія были замѣнены французскими; въ маѣ, когда передовыя французскія работы уже значительно подались впередъ, на этой батарее остались только 2 орудія, а въ июлѣ она вовсе прекратила дѣйствіе.

Ш. А.

(**) Фонтанъ на разрушенномъ хуторѣ Далагарии, въ глубинѣ балки, гдѣ она развѣтвляется на Сарандивакину (Ravin des Anglais) и Далагардѣву. Ш. А.

всплывалъ и, въ одинъ прыжокъ, являлся къ своему мѣсту. Къ сожалѣнію, не стоило безпокоиться: это нѣсколько отчаянныхъ охотниковъ сорвали ложементъ передъ 4-мъ бастиономъ, и изъ-за этихъ-то пустяковъ сонный городъ открылъ такой огонь, какъ будто сейчасъ собирались взять его открытой силой (*).

Тишина возобладала; я опять удалился въ свою палату, но уже не ощущалъ прежняго наследія. Можетъ быть, эта фальшивая тревога предвѣщаетъ болѣе серьезное предпріятіе. Въ такомъ предположеніи, мнѣ казалось, я еще не хорошо ознакомился съ мѣстностью, и при тускломъ свѣтѣ заходящей луны, которая давала видѣть окрестность на самое ничтожное пространство, началъ свои топографическія изслѣдованія. Прогулка имѣла свою прелесть. Навѣявъ, хотя и въ полумрачѣ, былъ поразительно величественъ. На правъ горноста, угрюмый городъ, словно древняя развалина; у подножія стѣнъ гавань, испещренная сигнальными огнями; завывающія соны; мелеюду гремящая канонада... я забылся: мнѣ казалось, я перенесся въ міръ сновидѣній.

Развѣтъ засталъ меня на англійской батарее, примыкавшей къ нашей. Я очень былъ радъ этому собесѣдству, обѣщавшему мнѣ постоянное раздѣленіе и возможность кое-чему научиться. Наши союзники, какъ мнѣ казалось, очень оригинально понимаютъ свои обязанности по траншейной службѣ. У нихъ никого не было въ траншейномъ караулѣ. Эти представители королевской артилеріи пили утренній чай въ галереяхъ, водъ свѣчами, какъ-будто нарочно устроенныхъ природою на занятомъ ими мѣсту. Но едва я началъ знакомиться со своими интересными собесѣдниками, какъ служебныя обязанности отвзвали меня. Весь день мы посвящаемъ опытамъ надъ дѣйствіемъ турецкихъ орудій нашей батареи. Эти первобытныя машины опрокидывались послѣ каждаго выстрѣла, разрывая свои скрѣпы съ платформой и откидываясь на значительное разстояніе. Съ большими усиліями было можно оставить ихъ на старое мѣсто.

Какая милость Господня, что здѣсь нѣтъ надобности торчать на ногахъ все время караула! Послѣ полудня, городъ нашъ порядочно

(*) Эти, по словамъ автора, пустяки, были нападеніе французскихъ охотниковъ на наши ложементы передъ французскими подступами, известными подъ литерою Г. Оставаясь безмятежными зрителями столь смѣлаго нападенія, наши урѣдленія не могли, и своими огнемъ очистили ложементы отъ непріятеля, когда они были имъ заняты. Вообще говоря, если когда, то именно въ настоящія дни Севастополя всего менѣе справедливо было назвать соннымъ, въ отношеніи дѣятельности его артилеріи. Самъ генералъ Нель говоритъ (стр. 121), что городъ поддерживалъ сильный огонь въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду. И. А.

погѣшили: къ намъ было брошено нѣсколько бомбъ, которыя катились однако безвредно и падали съ большимъ громокомъ въ глубину балки, сопровождаемыя нашимъ хохотомъ и свистами. Вечеромъ, я воротился въ свое дозорище въ отличномъ расположеніи духа. Лагерь отчасти освободился отъ своего мрачнаго настроенія, во-первыхъ, потому, что термометръ поднялся, во-вторыхъ, потому, что завтра намечена рекогносцировка въ долину Черной, а это означало увеличеніе нашихъ запасовъ топлива. По этому случаю наши каминны пылали.

На разсвѣтъ, 30-го (18-го) декабря, генералъ Морисъ съ 12-ю эскадронами, 6-ю пѣхотными баталіонами (1) и двумя полевыми батареями, спустился изъ лагеря, что у мельницы (2) (самур de Moulin). Первая французская дивизія поддерживала его со стороны Ингермана. Шотландцы составляли правый флангъ. Войска пошли по Воронцовской дорогѣ и быстро достигли берега рѣчки Кентцинъ (3), впадающей въ р. Черную. Казачья сотня (4) хотѣла воспрепятствовать переправѣ. Ее отбросили, и она бѣжала отстрѣливаясь. Наши достигли Варнутки. Въ лѣсу сдѣлали привалъ, выдвинувъ авангардъ до высотъ, окаймляющихъ Байдарскую долину. Развѣды, посланные оттуда далѣе во внутрь, нигдѣ не встрѣтили непріятеля.

Пользуясь отдыхомъ, солдаты разрушили нѣсколько русскихъ шалашей (5) и возвратились съ убѣжденіемъ, что ни одного малѣйшаго непріятельскаго отряда, нѣтъ на лѣвомъ берегу р. Черной. Это обратное движеніе походило на триумфальное шествіе: недоста-

(1) Рекогносцировка дивизионнаго генерала Мориса, имѣвшаго подъ командою генераловъ Эппингса и д'Алонвиля, состояла изъ бригады инженерин и бригады пѣхоты (сдѣловавшей налетѣи, безъ ишикова), съ батареей артилерин. Подковникъ Девентъ, съ двумя оеинерами-топогравами, снималъ мѣстность. Правый флангъ французовъ прикрывала бригада англійской пѣхоты, генерала Коллинъ-Кемблль. Французскіе инженеры говорятъ, что наша пѣхота отступила отстрѣливаясь, послѣ того какъ у насъ было рѣдбито орудіе. Рекогносцировка достигала дачи графа Перовскаго.

П. А.

(2) На Сапуя-Горѣ, между хуторами Стамати и Дергачева, у Воронцовской дороги.

П. А.

(3) Никакой рѣчки Кентцинъ въ этой мѣстности нѣтъ, а есть рѣчка Варнутка, дѣйствительно впадающая въ р. Черную. Черезъ Варнутку, на Воронцовской дорогѣ, есть мостъ, названный на французскомъ планѣ (приложенномъ къ сочиненію генерала Нисла „pont de Kreutzen“. Вероятно, это названіе и передано авторомъ въ Кентцинъ.

П. А.

(4) Донскаго № 53 полка, дѣйствительно опрокинута французами и преслѣдуемая ими до Варнутки.

П. А.

(5) Не только разрушили шалашы, но сожгли продовольственные запасы казачьяго № 53 полка у Чоргуна и станціонный домъ на дачѣ графа Перовскаго, а въ д. Алеу забрали у жителей скотъ и птицу.

П. А.

вало только трофеи (*). Люди, безъ шѣпковъ, весело шли, съ музыкой и пѣснями. Группа любителей, въ охотничьихъ костюмахъ, англійскія амазонки съ развѣвающимися перьями, офицеры топографическаго отряда замыкали шествіе. При наступленіи ночи, по обыновенію, охотники заняли свои таинственные посты передъ Севастополемъ.

Наши дровосѣки опередили дѣйствовавшій отрядъ. Они рассказывали намъ чудеса про свое странствованіе. Жѣстность была плодотворная; только и видны были сады, луга и роши. Вокругъ пылающихъ костровъ, обитатели большаго парка благословляли кавалерію за ея благотворныя походы и до поздней ночи толковали про чудеса Байдарской долины. Особенно допрашивали ходившихъ туда про казаковъ. Видѣли-ли ихъ? Дрянные они? Несчастные донцы, вчера еще, на бумагѣ—ужасъ Европы! Наши были убѣждены, что они похожи на дикихъ звѣрей....

Немедленно послѣ нашего пробужденія, разнеслась интересная новость: нѣсколько дней тому, одинъ изъ адъютантовъ императора (**) передалъ главнокомандующему письмо, которое уполномочивало его, жаловать достойнымъ даже офицерскіе знаки Почетнаго Легіона (***). И вотъ, по случаю новаго года, генералъ Канроберъ намѣренъ былъ раздать первыя награды, заслуженныя подъ стѣнами Севастополя. Завтра, по этому случаю, назначенъ большой смотръ. Избранники, которыхъ списокъ былъ уже извѣстенъ, находились на седьмомъ небѣ восторга, лелѣя честолюбивыя мечты. Ленточка, правда, тоже погремушка, но погремушка служащая утѣшеніемъ въ скорбныхъ дняхъ, погремушка, за которую умираютъ. Да и то сказать: изъ-за чего, обыкновенно, хлопотуть въ жизни, какъ не изъ-за тряпокъ: знамя, женщина!...

1-го января (20-го декабря) былъ блестящій парадъ. Только небо хмурилось, шелъ снѣгъ большими хлопьями. Однако пирую-

(*) Рекогносцирующимъ не доставало трофеевъ—это правда; но кромѣ того автору слѣдовало бы, кажется, упомянуть, что они везли съ собою раненаго офицера и 10 солдатъ (по Тотлебену, у нихъ было ранено 1 офицеръ, 30 нижнихъ чиновъ; убито 14 человекъ и взято въ плѣнъ казаками одинъ солдатъ).

И. А.

(**) Генералъ-адъютантъ императора Наполеона де-Монтебелло. И. А.

(***) Декретомъ императора Наполеона, отъ 23 ноября, главнокомандующій уполномочивался повышать въ должностяхъ, включительно до эскадроннаго или баталіоннаго командира, и жаловать кавалерскіе и офицерскіе знаки Почетнаго Легіона, а равно медали за военныя заслуги. Кромѣ того, Монтебелло привезъ главнокомандующему письмо императора, въ которомъ онъ поручалъ благодарять армию за ея подвиги и пр.

И. А.

іе новыя кавалеры перевернули не одну палатку. Солдаты одѣвались и чистились. Мой Мартенъ отыскалъ на днѣ чемодана какой-то хламъ и жаловаяся, что мы оставили въ Варнѣ весь нашъ парадный костюмъ; затѣмъ вытащилъ наши панталоны, лучшія изъ двухъ наличныхъ паръ, и кое-какъ поправилъ ихъ. Добрый малый привыкъ уже считать себя однимъ лицомъ со мною. Онъ мою очередь въ караулъ называлъ: «наша очередь». О! если бы возможно было посылать его, иногда, вмѣсто себя!... День св. Симеона прошелъ въ лагерѣ въ исправленіи одежды, что немало потребовало труда, потому что мундирная ветонь соответствовала нашему вообще общему положенію. Вечеромъ снѣгъ пересталъ и армія заранѣе отошла ко сну, будучи въ восторгѣ встрѣтить начинающійся годъ первую жатвою крестовъ и медалей.

Монимъ кошмаромъ была ночная перестрѣлка. Русскіе ложементы выросли тѣмъ въ большенъ числѣ, чѣмъ болѣе старались уничтожить ихъ. Около 10 часовъ вечера, караулъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій овладѣлъ однимъ изъ наиболѣе выдвинувшихся ложементовъ, передъ третьей параллелью, и рѣшился удержать его и отразить всякое новое на него покушеніе. Русскіе не замедлили ударить на этотъ ложементъ, въ значительныхъ силахъ, и защитники его были окружены. Половина изъ нихъ отступила, а остальные легли тамъ съ оружіемъ въ рукахъ. Приказъ 1-го января былъ имъ напечатанъ (*).

(*) Съ какою изысканною ловкостью авторъ говоритъ полусловами о тѣхъ случаяхъ осады, гдѣ его товарищи понесли явную и чувствительную неудачу. Здѣсь упоминается о нашей вылазкѣ съ 19 на 20 декабря на урочище „Ръзня“, подробно мною описанной въ части II моихъ „Походныхъ Записокъ“ стр. 236—238. Эта вылазка происходила, подѣ начальствомъ лейтенанта Берюлева, слѣдующимъ образомъ. Наши многочисленныя ложементы, которыми мы наносили немалый ущербъ неприятелю, съ ближайшей дистанціи поражая его рабочихъ, крѣпко не нравились французамъ, отчего они неоднократно покушались овладѣть ими. Такого рода атаку французамъ произвели и 18 (30) декабря, на лѣвые ложементы, что были выдвинуты передъ редутъ Шварца, но не удержались въ нихъ, а въ ту же ночь овладѣли ложементомъ на урочищѣ „Ръзня“. Урочище, известное подѣ этимъ именемъ у защитниковъ Севастополя (иначе „Бойна“), лежитъ напротивъ южной бухты, между 3 и 4 бастіонами, на мысу образуемомъ Бульварною ложниною и Сарандинавскою балкой. Французы овладѣли этими ложементами безъ боя, потому что нашли ихъ незаятыми нашими стрѣлками, и успѣли окопаться. Но французы были тотчасъ выбиты изъ ложементовъ, а въ ночь на 19 (31) декабря, опять нашли ихъ пустыми и вторично заняли. Чтобы отнять у французовъ ложементы, пошли на вылазку лейтенантъ Берюлевъ съ Охотскаго полка подпоручникомъ Кондратьевымъ, съ 50 охотскими солдатами, 50 солдатами резервнаго баталіона Волынскаго полка и 20 матросами. Отрядъ этотъ достигъ своей цѣли: французы были выбиты изъ ложементовъ и взято 10 человѣкъ въ плѣнъ; но мы

Это дѣло достойно вѣнчало истекающій годъ. Съ окончаніемъ кампаніи 1854 года, какой итогъ можно было подвести осадѣ Севастополя? Четыре мѣсяца борьбы, начатой алмашской побѣдой и законченной нашимъ поселеніемъ въ 200 метрахъ отъ атакуемаго бастиона, ничего не рѣшили.

Въ настоящее время, менѣе чѣмъ когда нибудь, было возможно предвидѣть исходъ предпріятія. Союзники вдавались въ кровавый рядъ битвъ съ защитниками Севастополя; но, несмотря на доказанное въ сраженіяхъ превосходство осаждающихъ, городъ дежалъ предъ нами несравненно сильнѣе теперь, чѣмъ онъ былъ 17-го (5-го) октября. Оконченныя укрѣпленія не боялись штурма, и за своими сапаями, протянутыми отъ Карантинна до Корабельной, подъ защитой множества ложементовъ, осажденные вели работы навстрѣчу осаждающимъ, не столько для того, чтобы разорвать цѣпь нашихъ траншей, какъ, преимущественно, съ тѣмъ, чтобы, шагъ за шагомъ, отъснять насъ въ глубину херсонской долины, на скалы между Балаклавой и Камышомъ. Словомъ, осажденные методически приводили теперь въ исполненіе тотъ планъ, что въ инкерманскую битву имъ не удалось осуществить открытою силою. Для достиженія этой цѣли, преслѣдуемой медленно, но упорно, князь Меншиковъ располагалъ болѣе чѣмъ двухсотъ-тысячною арміею, къ которой безпрестанно, подходили подкрѣпленія, слѣдовавшія, отъ Перегона, на саняхъ.

Между тѣмъ восемь французскихъ дивизій считали въ своихъ рядахъ не болѣе 65,000 солдатъ (*)—число едва достаточное, чтобы охранять оборонительныя линіи, на протяженіи почти восьми километровъ, и производить, въ то же время, осадныя работы, которыхъ нельзя было останавливать изъ опасенія до весны еще быть, въ свою очередь, атакованными.

Изъ англичанъ оставалась только горсть храбрецовъ, дурно содержанныхъ, дурно одѣтыхъ, и потому безсильныхъ. Осадныя работы передъ Корабельной и теперь находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ онѣ были въ день открытія огня противъ Севастополя; слѣдовательно, наши успѣхи передъ 4-мъ бастиономъ ни къ чему

потеряли убитымъ подпоручика Коздратъева и легко-ранеными 6 человекъ немцевъ чиновъ.

Н. А.

(*) По Герену, во французской арміи, въ декабрѣ было 65,118 человекъ, изъ которыхъ 88 убито, въ томъ числѣ 3 оенцера, 11 пропало безъ-вѣсти, между ними 1 оенцеръ; 6,340 чел. поступили въ госпитали, въ томъ числѣ 632 раненыхъ, 500 съ отгороженными членами, 352 холерныхъ, 160 дянготныхъ, 86 тифозныхъ и остальные менѣе опасными болѣзнями. Изъ числа поступившихъ въ госпитали, умерло подъ Севастополемъ 754 человекъ.

Н. А.

собственно не вели. Безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени, мы можемъ приступить къ пробитію бреши въ севастопольскихъ укрѣпленіяхъ; предположимъ даже, что нашъ штурмъ будетъ удаченъ; но мы все-таки не будемъ имѣть возможности воспользоваться своей побѣдой, безъ одновременнаго уничтоженія непріятельскихъ бастионовъ на Корабельной.

Отчего бы намъ не сказать нашимъ союзникамъ: «сознайте ваше безсиліе, уступите намъ евою долю работъ и труда, и мы раздѣлимъ славу?» По несчастію, наши союзники смотрѣли на дѣло съ британскою гордостью, и только послѣднія напряженныя усилія зимы заставили англичанъ уступить намъ свою первоначальную боевую позицію.

Очевидно, что, при дальнѣйшемъ отсутствіи единства въ своихъ дѣйствіяхъ противъ города и его окрестностей, союзники рисковали потерять плоды уже сдѣланныхъ ими усилій.

Таково было положеніе осадной арміи 1-го января (19-го декабря). У болѣе дальновидныхъ наблюдателей возникало сомнѣніе: правильно-ли выбранъ пунктъ атаки? И тутъ-то стало произноситься съ настойчивостью, не для всѣхъ еще понятною, имя Малахова кургана.

Лагерные жители молили Бога спасти ихъ отъ ужасовъ траншей и положить конецъ ихъ ссыльѣ. Глушь, въ которую мы были заброшены, являлась Франція подобною той далекой странѣ, которая усматривается потерпѣвшими крушеніе людьми съ высоты носящихъ ихъ волнъ, и которой они, очень часто случается, не достигаютъ никогда.

Самые мужественные изъ насъ едва имѣли тѣнь надежды увидѣть отечество, какъ будто мы уже одной ногой стояли въ могилѣ.

Служба тяготила даже наиболѣе усердныхъ. Нерѣдко приходилось быть въ огнѣ сряду по 48 часовъ, непремѣнно каждыя три дня. Правда, намъ было обѣщано подкрѣпленіе; но, съ наступленіемъ зимы, Черное Море сдѣлалось еще бурливѣе. Мы мечтали себя надеждою, что, по крайней мѣрѣ, въ бивуачной жизни мы уже не встрѣтимъ еще большихъ лишеній: январь долженъ былъ разубѣдить насъ и въ этомъ.

Маршалъ Январь, по выраженію императора Николая, искустилъ всѣхъ русскихъ генераловъ. Непріятель вѣровалъ въ его превосходную тактику—вьюгъ и морозовъ.

Сер. П. Алабинъ.

20 ноября 1869 г.

Самара.